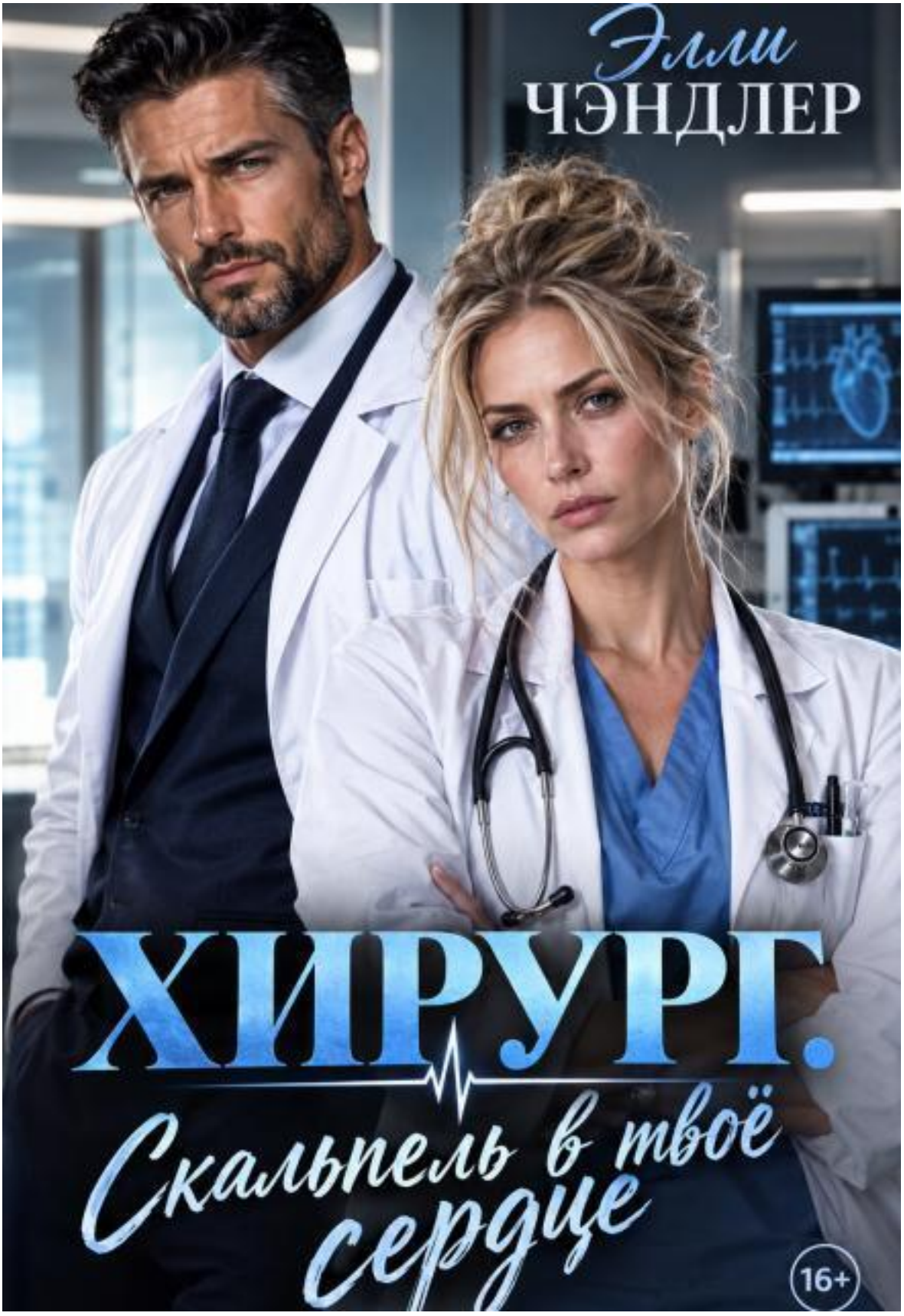

Элли
ЧЭНДЛЕР
ХИРУРГ.
Скальпель в твоё сердце
16+

Элли Чэндлер

Хирург. Скальпель в твоё сердце.

«Литнет»
2026

Чэндлер Э.

Хирург. Скальпель в твоё сердце. / Э. Чэндлер — «Литнет», 2026

— Сколько? — спрашиваю я.— Ин, давай не здесь.— Сколько, Максим?— Восемь месяцев. — Он трёт лицо ладонями. — Ин, это ничего не значит. Это физиология. Ты сама врач.— Я кардиохирург. Физиологией занимается урология.— Не язви.— Ты спал с ней в моей душевой, Макс. В той, где я моюсь после операций. Я имею право язвить.— Это общая душевая.— Ты сейчас серьёзно?Он выпрямляется. Ямка у рта возвращается. Я знаю этот момент. Он нашёл позицию. Берёт меня за плечи. Руки тёплые, знакомые. — Ты холодная. Ты всегда права, всегда собранная, всегда в перчатках. Мудрая женщина задумалась бы, почему мужчина ищет тепло на стороне. — Мудрая женщина, — повторяю я. Я снимаю его руки со своих плеч. По одной. Пинцетом. — Ключ от меня ты потерял, Макс. В марте.В тексте есть:❤#измена мужа ❤#отстоять себя и не сломаться ❤#врачи / медицинские страсти ❤#муж, который сам окажется на её операционном столе ❤#молодая любовница-интриганка ❤#угрюмый бородатый диагност, который видит её насквозь ❤#ХЭ тому, кто заслужил!

© Чэндлер Э., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальный шов 5
Глава 2. Тень в операционной 10
Глава 3. Ложь под наркозом 15
Глава 4. Внутренний враг 20
Глава 5. Холодный расчёт 25
Глава 6. Публичная казнь 30
Глава 7. Чужая кровь 35
Глава 8. Точка невозврата 40
Глава 9. Шантаж 45
Глава 10. Инфаркт 49
Глава 11. Скальпель и слёзы 54
Глава 12. Падение кумира 59
Глава 13. Перемирие 64
Глава 14. Разоблачение 69
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Глава 1. Идеальный шов

— Давление шестьдесят на тридцать. Падает.

— Вижу.

Пальцы держат край аорты. Стенка рыхлая, мокрая, расползается от лишнего движения пинцета. Четвёртый час на столе. Шестьдесят два года, расслоение первого типа. Ковалёв Пётр Ильич. Жена в приёмном вцепилась мне в рукав и рассказала про внучку Варю. Мне нужно помнить Варю ровно до последнего узла.

— Милана Игоревна, норадреналин.

— Иду на пять.

— На восемь.

— Инна Валерьевна, по протоколу…

— По протоколу у вас пациент. Восемь.

Шорох. Писк шприцевого насоса.

— Восемь, — тянет Милана. Сладко. С обидой.

— Зоя, пролен. Пять ноль.

— Держите.

Игла входит. Выходит. Узел. Второй.

— Роман Сергеевич, что на клапане?

Заславский стоит у головного конца с датчиком чреспищеводной эхокардиографии. Крупный, борода прячется под маской, над маской тяжёлый взгляд в экран.

— Створки смыкаются. Регургитация следовая. Шейте.

— Следовая — это сколько?

— Это значит, я спокоен.

Зоя фыркает в маску.

— Перфузия, сколько на машине?

— Сто сорок две минуты, Инна Валерьевна.

— Греем. Медленно.

— Начинаю.

— Милана Игоревна, газы.

— Калий четыре и один. Лактат три.

— Лактат пересдайте через десять минут.

— Я помню.

— Я тоже. Поэтому напоминаю.

Над нами, за стеклом смотровой галереи, стоит Максим. Руки в карманах халата. Пятнадцать лет я узнаю мужа по наклону головы. Сегодня наклон нервный, вбок, к плечу.

Милана поднимает глаза к стеклу. Второй раз за минуту.

— Милана Игоревна. Монитор внизу.

— Я слежу.

— Следите здесь.

Роман коротко смотрит на неё. Потом на меня. Молчит.

— Снимаю зажим. Готовы?

— Готовы.

— Готова, — Милана.

Тишина. Кровь уходит в протез. Секунда. Вторая. Третья.

— Сухо, — говорит Роман.

Шов ровный. Чистый. Мой.

— Давление сто на шестьдесят, — докладывает Милана, и голос у неё почти разочарованный.

Я поднимаю голову. Галерея пустая.

— Шьём грудину. Зоя, проволоку.

* * *

Вода горячая. Щётка идёт от кончиков пальцев к локтям. Три минуты по часам над раковиной. Мама называла это моей маленькой обсессией. Мама сама так мыла руки сорок лет.

Роман бросает перчатки в бак рядом.

— Он ушёл на сороковой минуте.

— Кто?

— Ты знаешь кто.

— Главный врач — занятой человек, Роман Сергеевич.

— Ага. Очень занятой. — Он вытирает ладони бумажным полотенцем, комкает его в кулаке. — Ты хорошо шила.

— Я всегда хорошо шью.

— Поэтому и говорю. Я редко говорю.

Он уходит. За ним тянется запах антисептика и горького кофе. Я смотрю на свои руки. Красные до локтей. Ровные.

* * *

Ковалёва вскакивает с банкетки у реанимации. Сумка падает, из неё катится мандарин.

— Доктор. Доктор, он…

— Живой.

— Живой, — повторяет она. Губы дрожат. — Совсем живой?

— Аорту мы заменили. Сердце работает. Ближайшие сутки он поспит на аппарате.

— Можно к нему?

— Завтра. Сегодня поезжайте домой.

— Я Варе обещала позвонить. Она маленькая, ей восемь. Она спрашивала, кто будет резать дедушку. Я сказала — тётя.

— Скажите, тётя справилась.

Ковалёва хватает мою руку и прижимается к ней губами. Я забираю ладонь мягко. Поднимаю мандарин и кладу ей в сумку.

— Вы замужем, доктор? — вдруг спрашивает она.

— Пятнадцать лет.

— Счастливый ваш муж. Такая жена.

— Передам.

Иду по коридору. В кармане молчит телефон. Максим всегда пишет после тяжёлых операций одно слово: «Горжусь». Сегодня экран пустой.

* * *

— Ковалёв жив, — Михаил Петрович стучит ручкой по столу. — Расслоение в шестьдесят два, с его сосудами. Соболева, это класс. Аплодировать стоя отказываюсь, у меня колени.

Смешки по залу.

Михаил Петрович — совладелец «Медикуса» и единственный человек, перед кем Максим встаёт, когда тот входит.

— Отличная работа, Инна Валерьевна, — Максим кивает мне через стол.

Кивает. Через стол. Мой муж.

— Теперь о деньгах, — продолжает он ровно. — Протез за триста сорок тысяч. Квота покрывает сто девяносто. Разницу закрывает кто?

— Клиника, — отвечаю я. — Дешёвый к вечеру разошёлся бы по шву.

— Это ваша оценка.

— Это его аорта.

— Инна Валерьевна, давайте обсудим отдельно.

Он улыбается залу. Обаятельно, с ямкой у левого угла рта. Пятнадцать лет назад я вышла замуж за эту ямку.

Милана сидит через стул от него. Тёмные волосы гладко убраны, губы плотные, вишнёвые. От неё пахнет сладко и тяжело: ваниль и что-то горелое, дорогое.

— Максим Андреевич, я пришлю вам расход по анестезии. Сегодня?

— Присылайте.

— Вечером удобно?

— Удобно.

Роман ставит на стол пустой стакан.

— Предлагаю экономить на кофемашине. Я готов пить растворимый. Ради протезов.

Зал смеётся. Максим — нет.

— Роман Сергеевич, ваша ирония бюджет не наполняет.

— Ваш бюджет мою иронию тоже.

— Брейк, — Михаил Петрович поднимает ладонь. — Соболев, считай. Соболева, оперируй. Заславский, пей что хочешь. Свободны.

Я собираю бумаги. Милана проходит мимо Максима и задевает бедром спинку его стула. Он поправляет галстук.

Ерунда. Узкий проход.

* * *

Он догоняет меня у лифта.

— Ин. Протез. Ты понимаешь, как это выглядит перед Михаилом Петровичем?

— Как живой Ковалёв.

— Как заведующая, решающая за клинику. Мне потом отчитываться.

— Отчитайся. Скажи, жена спасла пациента за твои деньги.

— Тише. — Он оглядывается на пост. — Здесь я Максим Андреевич.

— А дома?

— Дома я голодный. — Ямка у рта. — Что на ужин?

— Утка.

— С яблоками?

— С яблоками.

— Буду к девяти. Клянусь.

Лифт открывается. Из него выходит Милана, с планшетом у груди.

— Максим Андреевич, я как раз к вам. Расход.

— Идёмте.

Он уходит с ней по коридору. Я смотрю на табло лифта. Цифры ползут вниз.

* * *

Утку я грела дважды. В девять. В половине одиннадцатого.

В десять звонит мама.

— Инночка, ты дома?

— Дома.

— Голос у тебя рабочий. Оперировала?

— Расслоение. Живой.

— Умница. — Пауза. — Макс рядом?

— На ужине с инвесторами.

— В десять вечера?

— Мам.

— Молчу. Я просто спрашиваю. У меня диван разложен, ты знаешь.

— Зачем мне твой диван?

— Затем, что ты моя дочь. Всё. Целую. Ешь утку сама, она остынет.

Гудки. Я смотрю на утку. Она давно остыла.

Ключ в замке поворачивается в двадцать три сорок.

— Ин, ты чего сидишь? Ночь.

— Ужин.

— Солнце, я поел. Инвесторы, «Пушкин», три часа тостов. — Он целует меня в макушку. — Голова гудит.

Ваниль. Плотная, сладкая, с горелой ноткой. Оседает на языке.

— От тебя пахнет духами.

— От меня пахнет Лебедевым. Он выливает на себя полфлакона и лезет обниматься. — Максим смеётся, стягивает галстук. — Ты обнюхиваешь мужа после четырёх часов на аорте? Иди спать, хирург.

— Это женский запах, Макс.

— Это запах инвестора с отвратительным вкусом. — Он трёт переносицу. — Ин. Я вымотан. Ты вымотана. Давай отложим допрос.

— Это вопрос.

— У тебя любой вопрос звучит приговором. — Он гладит меня по щеке тыльной стороной пальцев. — Ты же у меня умная. Ну?

— Иди в душ.

— Слушаюсь, Инна Валерьевна.

Вода в ванной шумит.

Сумка в прихожей. Внутри свёрнутый халат. Его халаты я стираю сама. Пятнадцать лет. В прачечной клиники их пересушивают, ткань желтеет у ворота.

Карман тяжёлый.

Золотой футляр. Холодный. Я снимаю колпачок. Тёмная вишня, срез стёрт наискосок чужими губами.

Держу помаду двумя пальцами. Пинцетный захват. Смешно.

Полклиники красит губы в вишню. Регистратура. Процедурный кабинет. Пациентки в вип-палатах роняют косметички, санитарки поднимают, несут главврачу, главврач суёт находку в карман и забывает. Я знаю мужа пятнадцать лет. Наклон головы. Ямку у рта.

Мусорное ведро под раковиной. Крышка хлопает тихо.

Мою руки. До локтей. Три минуты.

— Ин? — из ванной. — Полотенце кончилось.

— На полке.

— Где?

— Вторая полка, Макс.

— Нашёл. Ты чудо.

В спальне он садится на край кровати, пахнет моим гелем для душа. Чужая ваниль смыта.

— Ин. Про протез. Я был резок.

— Ты был главврачом.

— Я был идиотом. — Он находит мою ладонь под одеялом. — Ты у меня лучшая. Знаешь?

— Знаю.

— Михаил Петрович хочет отправить тебя на конференцию в Питер. В конце месяца.

— Кого ещё?

— Тебя одну. Отдохнёшь. Погуляешь. Ты три года нигде дальше операционной не была.

— А ты?

— А я буду считать протезы. — Он смеётся и целует мои пальцы. — Спи, хирург.

Он ложится ко мне спиной. Через минуту дышит ровно. Максим засыпает мгновенно, всегда. Я считаю его вдохи. Шестнадцать в минуту.

Норма.

* * *

Сырники на тарелке. Чай чёрный, крепкий, у меня уже вторая кружка.

— Макс, завтракать.

Он выходит в рубашке, телефон у уха.

— Да. Понял. Еду. — Сбрасывает. — Ин, срочный вызов.

— Кто?

— Михаил Петрович. Закупки, комиссия, к восьми.

— Комиссия по закупкам звонит главврачу в семь двадцать?

— Михаил Петрович звонит, когда ему вздумается. — Он берёт сырник, откусывает, кладёт обратно на тарелку. — Вечером поужинаем. Обещаю.

— Ты вчера обещал.

— Ин. — Он смотрит на меня долго, ласково. — Ты спала?

— Спала.

— Глаза красные. Возьми отгул, я договорюсь.

— У меня Ковалёв в реанимации.

— Ковалёва посмотрит дежурный.

— Ковалёва посмотрю я.

— Упрямая. — Он поправляет запонку. — Ты мои серые запонки видела?

— В шкатулке. Слева.

— Слева… — Он уходит в спальню, возвращается, на ходу застёгивая манжету. — Нашёл. Ты моя память, Ин.

— Опаздывал бы.

— Я и так опаздываю.

Он целует меня в висок. Хлопает дверь. Гудит лифт.

Сырник с откушенным краем остывает на тарелке.

* * *

В семь пятьдесят я выезжаю. Садовое стоит, я ухожу переулками, мимо Никитской, мимо отеля «Аврелия». Стекло, латунь, швейцар в зелёной ливрее.

У входа стоит чёрный «Вольво». Царапина на заднем бампере слева. Я сама оставила её в мае, на даче, когда сдавала задом к сараю.

Его машина. Его номер.

Сзади сигналят. Я прижимаюсь к бордюру и глушу двигатель.

Дверь отеля открывается. Белое пальто. Тёмные волосы гладко убраны. Милана сбегает по ступенькам, наклоняется к пассажирской двери и садится в машину моего мужа.

Мои руки лежат на руле ровно. Мои руки никогда не дрожат. Дрожит выше, под грудиной, там, куда я вчера четыре часа смотрела у чужого человека.

Телефон на сиденье вибрирует.

«Макс».

Один гудок. Второй. Я нажимаю на зелёное.

— Ин, — голос тёплый, утренний. — Ты уже выехала? Я на комиссии, тут дурдом. К обеду меня не жди.

В «Вольво» загорается поворотник.

Я смотрю на затылок мужа через два стекла и молчу.

Глава 2. Тень в операционной

— Ин? Ты слышишь? Связь шалит.

— Слышу.

— Я говорю, к обеду меня не жди.

— Где ты сейчас, Макс?

Пауза. Короткая. Я её считаю. Две секунды.

— У Михаила Петровича в кабинете. Тут бухгалтерия, юристы, все орут. Что-то случилось?

— Ничего.

— Голос странный.

— Пробка.

— Ты моя бедная. Включи свою музыку. Целую.

«Вольво» выруливает в поток. Мигает поворотником, уходит налево, к Садовому. Я смотрю, пока его не съедает автобус.

Телефон гаснет.

Сзади снова сигналят. Я завожу двигатель. Руки ровные.

На светофоре у Арбатской набираю приёмную.

— Клиника «Медикус», приёмная главного врача, Лидия.

— Лида, это Соболева. Михаил Петрович на месте?

— Инна Валерьевна, доброе утро. Михаил Петрович у стоматолога, будет к двенадцати. Что-то передать?

— Комиссия по закупкам сегодня во сколько?

— Комиссия? — Шелест бумаг. — Комиссия в пятницу. Сегодня ничего нет. А кто вам сказал про сегодня?

— Перепутала.

— Бывает. Вы вчера такая уставшая была после операции, все говорили. Отдохните.

— Отдохну.

— А Максим Андреевич просил, если вы позвоните, напомнить про Питер. Конференция, двадцать восьмое. Билеты уже заказаны.

— Кем заказаны?

— Им. Сегодня в семь утра письмо прислал.

В семь утра он ел мой сырник. Откусил край и положил обратно.

— Спасибо, Лида.

Зелёный. Я трогаюсь.

* * *

— Девяносто пять на шестьдесят, сатурация девяносто восемь, по дренажам сто двадцать за ночь, — дежурный реаниматолог Гусев листает карту. — Красавец ваш Ковалёв.

— Лактат?

— Полтора.

— Утром экстубируем.

— Я тоже так думаю.

В дверях бокса появляется Роман. Халат расстёгнут, в руке картонный стакан.

— Пришёл посмотреть на твой шов изнутри.

— Смотри.

Он ставит стакан на подоконник, садится к Ковалёву, водит датчиком. Молчит долго.

— Протез стоит. Перикард сухой. — Он поднимает на меня глаза. — Ты сегодня спала?

— Почему все спрашивают?

— Потому что у тебя лицо серое.

— У меня всегда лицо серое. Освещение.

— Освещение у тебя бывает разное. Сегодня плохое. — Он вытирает гель салфеткой. — Кофе?

— Чай.

— Чай в ординаторской отвратительный.

— Я привыкла.

— Зря.

Он забирает стакан и уходит. Гусев смотрит ему вслед и тихо присвистывает.

— Заславский предлагает кофе. Я тут шесть лет, мне он ни разу «здрасьте» не сказал.

— Гусев. Дренажи.

— Сто двадцать, Инна Валерьевна. Я помню.

* * *

Пост третьей операционной. Милана сидит на краю стола медсестёр, нога на ногу. Под шапочкой выбивается тёмная прядь. Максим стоит рядом и читает что-то в её планшете. Её пальцы лежат на его рукаве.

Свежий маникюр. Вишнёвый. Два кольца.

— Доброе утро, — говорю я.

Пальцы соскальзывают с рукава. Неспешно.

— Инна Валерьевна. — Максим выпрямляется. — Как Ковалёв?

— Экстубируем днём. Как комиссия?

— Тяжело. — Он трёт переносицу. — Расход по анестезии, вот, разбираем.

— Вижу.

Милана улыбается мне. У неё ровные белые зубы и тяжёлый запах ванили.

— Милана Игоревна, у вас через двадцать минут Гаврилова на шунтирование.

— Я знаю.

— Снимите кольца. И лак.

— Простите?

— Кольца и лак. Вы заходите в операционную.

— Я анестезиолог. Я в рану не лезу.

— Вы ставите центральный катетер. Ваши руки в стерильном поле. Приказ по клинике номер сорок, пункт третий.

— Инна Валерьевна, у меня гель-лак. Он сутки держится, его ацетоном не снять.

— Значит, вы сегодня на Гавриловой не работаете.

Она медленно поворачивается к Максиму.

— Максим Андреевич?

— Инна Валерьевна, — Максим говорит мягко, вполголоса, — давайте спокойнее. Перчатки двойные. Кольца она снимет.

— И лак.

— Ин.

— Здесь я Инна Валерьевна. Ты вчера сам объяснил.

Две медсестры за стойкой замирают над журналами.

Милана спрыгивает со стола, стягивает кольца, кладёт их Максиму в нагрудный карман. Прямо в карман. Хлопает ладонью сверху.

— Сохраните, Максим Андреевич. Вы надёжный.

Уходит. Цокают каблуки сабо.

Максим поправляет карман. На меня смотрит долго, с усталой лаской.

— Зачем, Ин?

— Пункт третий.

— Ты знаешь, о чём я.

— Знаю.

Мы стоим. Между нами стойка поста и пятнадцать лет. Он вздыхает и уходит к лифтам.

* * *

Гаврилову шьём два часа. Милана в перчатках, лак под ними тёмный, видно на сгибах. Ставит катетер с третьей попытки. Я молчу. Роман на этой операции не стоит, у него поток в диагностике. Его спокойного «шейте» мне сегодня мучительно мало, монитор пищит в пустоту.

После — ординаторская. Зоя режет пирог от благодарного пациента. Двое ординаторов, Лёша и Тимур, пьют чай из одной банки. Гусев спит на диване в куртке поверх халата.

— Инна Валерьевна, вы видели? — Зоя кивает на дверь. — Наша звезда по коридору с Соболевым под ручку.

— Видела.

— Утром, говорят, вместе приехали.

— Кто говорит?

— Охрана на шлагбауме. — Зоя кладёт мне кусок пирога на салфетку. — Я ничего не говорю. Я пирог режу.

— Режь.

— И помаду она свою ищет. Всех девочек на посту обошла. Золотая, говорит, «Шанель», подарок.

Кусок пирога лежит на салфетке. Вишня течёт по тесту тёмным.

— Чей подарок? — спрашивает Лёша.

— А тебе зачем? — Зоя щурится. — Купить ей новую хочешь?

— Мне за неё ипотеку год платить.

Тимур смеётся. Я смотрю на вишню.

Дверь открывается. Максим. За ним Милана, глаза красные.

— Коллеги, на минуту, — говорит Максим. — Инна Валерьевна.

— Слушаю.

— Милана Игоревна написала служебную записку. Вы отстранили её от операции при посторонних. Унизили. Беспричинно.

— С основанием. Лак.

— Лак, — повторяет он. Зал молчит. — Ординатор анестезиологии в слезах в моём кабинете из-за лака. Ты слышишь себя?

— Я слышу приказ номер сорок. Ты его подписывал.

— Я подписывал его для порядка, Инна Валерьевна. Для порядка. Для травли — нет.

— Травли?

— Как ещё это назвать? — Он разводит руками. — Ты третий месяц цепляешься к ней по любой мелочи. Норадреналин на пять — плохо. Газы — плохо. Монитор — плохо. Я понимаю, ты устала. Ты много оперируешь, ты на пределе. Но срываться на молодых врачах — это непрофессионально.

Зоя опускает нож. Лёша смотрит в чашку.

— Я сорвалась? — говорю я тихо.

— Посмотри на неё.

Милана стоит у двери, обнимает себя за локти. Тушь чуть размазана. Безупречно чуть.

— Я просто хочу работать, — шепчет она. — Я стараюсь. Я правда стараюсь.

— Инна Валерьевна, — Максим смотрит поверх моей головы, — вы извинитесь перед коллегой. Сейчас.

Тишина. Гусев на диване перестаёт храпеть. Не спит.

— Нет.

— Ин.

— Я сказала нет, Максим Андреевич. Записку разберёт Михаил Петрович. С приказом в руках.

Он сжимает челюсть. Ямка у рта исчезает. Я эту гримасу видела за пятнадцать лет дважды. На похоронах его отца. И в день, когда врач сказал нам слово «бесплодие».

— Хорошо, — говорит он. — Разберёт. Милана Игоревна, идёмте.

Они уходят. Дверь закрывается мягко, на доводчике.

— Пирог будете, Инна Валерьевна? — спрашивает Зоя.

— Позже.

— С вишней.

Я выхожу.

На лестнице между этажами стоит Роман. Курит в открытую форточку, хотя курить в клинике запрещено.

— Слышал, — говорит он, не оборачиваясь.

— Весь этаж слышал.

— Весь этаж — да. Я слушал. Разница.

— И?

— И ты была права. Лак — это грибок под перчаткой. Грибок — это медиастинит. Медиастинит у Гавриловой в семьдесят лет — это похороны. — Он стряхивает пепел за окно. — А твой муж на людях выставил тебя истеричкой.

— Он мне муж.

— Это я заметил. — Он наконец смотрит на меня. — Помочь?

— Чем?

— Не знаю. Чем-нибудь. Я в этом плохо разбираюсь.

— В чём?

— В помощи. Обычно я ставлю диагнозы и ухожу.

— Вот и поставь.

Он смотрит долго. Глаза тёмные, тяжёлые, с красными прожилками недосыпа.

— Острое переутомление на фоне хронического вранья вокруг. — Пауза. — Прогноз неясный.

— Спасибо, Роман Сергеевич.

— Пей мой кофе, Инна. Хотя бы мой.

Он тушит сигарету о подоконник и уходит вниз. На ступеньке остаётся запах табака и горечи.

* * *

Женская душевая на втором этаже стоит пустая в это время. Четыре кабинки, синие шторки, кафель с трещиной у третьей. Я включаю воду в первой. Снимаю костюм. Стою под горячей струёй, пока кожа на плечах не краснеет.

Мама говорила: из любого «нет» надо выходить мытой. Я выхожу мытой из всего.

На полке у раковины вибрирует телефон. Я тянусь мокрой рукой.

«Ин, прости за ординаторскую. Погорячился. Вечером всё обсудим, закажу твою утку из "Пушкина". Люблю».

Время отправки: 14:52.

Пишу: «Где ты?»

Две серые галочки. Синими они так и не становятся.

Кладу телефон обратно и снова открываю воду.

Вода шумит. Сквозь шум — смех.

Тихий, сдавленный. Женский.

Я закрываю кран.

— Тише, — шёпот. Мужской. — Ты с ума сошла.

— Ты сам меня сюда затащил.

— Я сказал тише.

— Мне нравится, когда ты злишься. Ты рычишь.

— Мила.

Мила.

Мокрая ладонь на кафеле. Капли с волос бегут по спине. Я слышу собственное сердце в ушах, громко и ровно, как монитор на ста двадцати.

Последняя кабинка. Шторка задёрнута. Под шторкой две пары ног. Белые сабо. Чёрные туфли. Его туфли. Я покупала их в Риме три года назад, он ныл всю дорогу до кассы.

— Нам надо идти.

— Ещё минуту.

— У меня планёрка.

— У тебя всегда планёрка, — смех. — А у неё всегда операция. Вы такая скучная пара, Макс.

— Не говори о ней.

— Почему? Ревнуешь?

— Потому что у меня встаёт, когда ты молчишь. А когда говоришь о ней, падает.

Она смеётся в ладонь. Ткань шуршит. Звук молнии. Влажный звук поцелуя.

Я надеваю халат. Пальцы находят пояс, завязывают его на двойной узел. Хирургический. Пол ледяной под босыми ногами. Шесть шагов. Я считаю.

Шторка отъезжает со скрипом колец.

Милана сидит на скамье, халат распахнут, под ним чёрное кружево. Его рука под кружевом. Его губы у неё на шее.

Она видит меня первой. Улыбается. Неспешно, лениво поправляет халат на плече, прикрывает грудь. Облизывает вишнёвые губы.

— Инна Валерьевна. А мы тут про отчёты.

Максим поднимает голову. Белеет. От лба к подбородку, я вижу, как отливает кровь. Сто раз видела у пациентов. Ни разу у мужа.

Он встаёт. Застёгивает брюки. Руки у него дрожат.

— Ин, — голос сиплый, очень тихий. — Ты неправильно поняла. Она помогала мне с отчётами.

Глава 3. Ложь под наркозом

— С отчётами, — повторяю я.

— Ин.

— Каким отчётом она тебе помогала? Квартальным? Или по расходу кружева?

Милана поднимается со скамьи. Затягивает пояс халата. Неспешно, двумя руками.

— Я пойду, Максим Андреевич. Вам есть о чём поговорить.

— Мила, стой.

— Зачем? — Она улыбается мне, ему, кафелю. — Инна Валерьевна у нас любит протоколы. Сейчас будет разбор случая.

Проходит мимо меня. Ваниль. Плечом почти задевает моё плечо. Почти.

— Кстати, — оборачивается в дверях, — помада. Золотая. Вы её случайно не находили? Я её у вас в квартире… ой. В машине. Я её в машине оставила.

Дверь хлопает. Капает душ в четвёртой кабинке. Раз. Два.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Ин, давай не здесь.

— Сколько, Максим?

— Полгода.

— Полгода.

— Восемь месяцев. — Он трёт лицо ладонями. — Ин, это ничего не значит. Это было… это физиология. Ты сама врач.

— Я кардиохирург. Физиологией занимается урология.

— Не язви.

— Ты её трахал в моей душевой, Макс. В той, где я моюсь после операций. Я имею право язвить.

— Это общая душевая.

— Ты сейчас серьёзно?

Он выпрямляется. Ямка у рта возвращается. Я знаю этот момент. Он нашёл позицию.

— Хорошо. Давай честно. Ты звонила Лиде утром.

— Звонила.

— Проверяла меня. Лида мне сразу написала. «Ваша жена спрашивает про комиссию». Ты понимаешь, как я выгляжу перед секретарём?

— Как муж, соврав жене.

— Как муж под слежкой. — Голос у него ровный, лекторский. — Ин, ты пятнадцать лет замужем за скальпелем. Ты приходишь в одиннадцать, ты спишь в ординаторской, ты в отпуске читаешь статьи по клапанам. Когда мы последний раз… Ты помнишь?

— Помню.

— Когда?

— В марте.

— Сейчас октябрь, Инна.

— И это объясняет кружево?

— Это объясняет одиночество. — Он подходит, берёт меня за плечи. Руки тёплые, знакомые. — Ты холодная. Ты всегда права, всегда собранная, всегда в перчатках. Мудрая женщина задумалась бы, почему мужчина ищет тепло на стороне.

— Мудрая женщина, — повторяю я.

— Мудрая женщина закрыла бы шторку. Ушла. Дома поговорила бы. А ты стоишь в халате и устраиваешь сцену на рабочем месте. Это паранойя, Ин. Слежка, звонки, лак этот дурацкий. Тебе надо к специалисту.

Я снимаю его руки со своих плеч. По одной. Пинцетом.

— Я сегодня ночую у мамы.

— Ин, не делай глупостей.

— Ключи от квартиры у тебя есть. Ключ от меня ты потерял. В марте.

* * *

Тарелка разлетается о кафель кухни. Белый фарфор, голубой ободок. Свадебный сервиз, двенадцать персон, мамин подарок.

— Инна, прекрати.

Вторая.

— Ты больна. Ты слышишь? Ты больна.

Третья. Осколок отскакивает ему под ноги. Он отпрыгивает.

— Я привёз утку, — говорит он растерянно. Пакет из «Пушкина» стоит на табуретке. — Ин. Я привёз твою утку.

— Отдай Милане.

— Я с ней порву. Завтра. Слышишь? Завтра.

— Ты мне это уже говорил?

— Нет.

— Значит, говорил кому-то другому.

Я ставлю четвёртую тарелку обратно на полку. Руки холодные. Сервиз мне жалко. Маму жалко.

В спальне чемодан. Я кидаю в него вещи наугад. Два костюма. Бельё. Зарядку. Фотографию отца с полки — отец в халате, сорок лет назад, у старой Склифовской операционной.

— Ты куда в одиннадцатом часу?

— К маме.

— Твоя мама тебя накрутит.

— Моя мама разложила диван ещё вчера, Макс. Она, оказывается, всё знала раньше меня.

— Что знала? Нечего знать.

Я закрываю чемодан. Иду на кухню. Открываю шкаф под раковиной.

Мусорное ведро. Картофельные очистки, чайные пакетики, вчерашние салфетки. Золотой футляр на дне.

Я его достаю. Вытираю о кухонное полотенце. Кладу в карман пальто.

Максим смотрит на мою руку.

— Зачем тебе это?

— На память.

— Ин…

— Утку убери в холодильник. Пропадёт.

* * *

Машина стоит у маминого подъезда на Соколе. Двигатель выключен. В салоне холодно.

Я плачу в руль.

Беззвучно. Ровно. Мокрое пятно на кожаной оплётке растёт. Плечи ходят. Руки на руле лежат спокойно. Даже сейчас.

Часы на панели: 23:04.

В окне четвёртого этажа горит свет. Мамин силуэт. Она видит машину. Не спускается. Ждёт.

В 23:07 звонит Максим.

— Ин. Ты доехала?

— Доехала.

— Ты в машине. Я слышу.

— Я в машине.

— Не поднимайся пока. Поговори со мной. Пожалуйста.

— О чём?

— О нас. — Он дышит в трубку тяжело, близко. — Я ей позвонил. Сейчас. Сказал всё.

— Что всё?

— Что всё кончено. Что у меня жена. Что я дурак.

— Ты дурак.

— Я дурак, — соглашается он легко. — Ин, помнишь Гагры? Две тысячи двенадцатый. Ты сгорела на второй день и неделю лежала в номере под мокрой простынёй. А я читал тебе вслух Конан Дойла.

— «Пёстрая лента».

— Ты угадала убийцу на второй странице и сказала, что змея анатомически не может пить молоко.

— Не может.

— Я тогда подумал: на всю жизнь. — Пауза. — Я и сейчас так думаю.

В трубке короткий писк. Вторая линия. На экране: «Белова Т. Реанимация».

Я сбрасываю вторую линию.

— Ин? Ты слушаешь?

— Слушаю.

— Возвращайся домой. Утку я съел половину, остальное твоё.

— Я сегодня у мамы, Макс.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

— Это уже не «нет». — Голос теплеет. — Спокойной ночи, хирург.

23:16. Гудки.

Я сижу ещё полчаса. В 23:40 поднимаюсь.

— Чай, — говорит мама вместо «здравствуй».

— Мам.

— Сначала чай. Потом мам.

Кухня. Клеёнка в клетку. Её руки с короткими ногтями. Сорок лет терапии в районной поликлинике. Мама моет руки до локтя. Как я.

— Ты знала?

— Догадывалась.

— Откуда?

— Он на твоём дне рождения смотрел в телефон двадцать минут. Я засекала. — Она ставит передо мной кружку. — Мужчины смотрят в телефон двадцать минут по двум причинам. Биржа или женщина. Твой Максим на бирже не играет.

— Почему не сказала?

— Потому что ты бы меня не услышала, Инночка. Ты слышишь только монитор.

Я смеюсь. Мокро, некрасиво.

— Он сказал, я холодная.

— Он сказал это, когда ты его поймала?

— Да.

— Значит, он испугался. — Мама садится напротив. — Испуганный мужчина всегда объявляет женщину больной. Так проще. Пей.

— Мам, мне тридцать девять.

— Знаю. Я рожала. Пей.

— Он позвонил. Сказал, порвал с ней.

— Когда позвонил?

— Только что. В машине.

— И ты поверила?

— Не знаю.

— Инночка. — Мама накрывает мою ладонь своей. Сухая, тёплая. — Мужчина, порвавший с любовницей, звонит жене днём. Ночью звонят, чтобы жена сидела в машине и никуда не ехала.

— Мам, ты детективов начиталась.

— Я сорок лет слушаю, как люди врут про давление. Ложись. Утром разберёмся.

* * *

Диван скрипит. Тикают часы в коридоре. Я лежу на спине и смотрю в потолок. Трещина от люстры к окну, знакомая с девятого класса.

Телефон оживает в 02:47.

«Гусев. Реанимация».

— Да.

— Инна Валерьевна, Ковалёв. — Голос у Гусева незнакомый, высокий. — Давление сорок на двадцать. Упал за десять минут. Я на адреналине, на норадреналине, качаю объём. Не держит.

— Эхо?

— Перикард сухой. Протез стоит. Сократимость хорошая. Он просто… сосуды развалились, Инна Валерьевна. Распахнулся весь.

— Что капает?

— Ваше назначение.

— Я ничего не назначала после обеда.

— Как не назначали? Вот, в системе.

— Читай.

Шорох. Пауза.

— Нитропруссид натрия. Пять микрограммов на килограмм в минуту, титровать до систолического сто. Назначение в двадцать три десять. Ваша электронная подпись.

— Останови.

— Остановил двадцать минут назад, как давление поехало. Я думал, вы…

— Еду.

Мама стоит в дверях комнаты, в халате.

— Ключи на тумбочке, — говорит она. — Пристегнись.

* * *

В реанимации пахнет адреналином и потом. Ковалёв серо-жёлтый, на мониторе семьдесят на сорок. Гусев мокрый насквозь.

— Поднял, — выдыхает он. — Еле-еле. Ещё десять минут, и я бы его качал.

— Медсестра кто?

— Таня Белова.

— Где назначение?

Он разворачивает ко мне монитор.

Медицинская информационная система. Карта Ковалёва П.И. Вкладка «Назначения».

Нитропруссид натрия. 50 мг на 50 мл. 5 мкг/кг/мин.

Врач: Соболева И.В.

Учётная запись: soboleva.iv.

Время: 23:10.

Подписано усиленной электронной подписью.

— Танюша вводила? — спрашиваю я.

— Танюша, — кивает Гусев. — В двадцать три пятнадцать начала. Говорит, звонила вам уточнить. Вы не взяли.

— Не взяла.

— Ну вот. А в системе ваша подпись, она и поставила. — Гусев проводит ладонью по лицу. — Инна Валерьевна. Зачем ему нитропруссид? У него сто на шестьдесят было. Красивые цифры.

— Я не назначала, Слава.

— Вот же. Ваш логин.

— Я видела.

— Может, вы из дома зашли? Через удалёнку? Устали, перепутали карту?

— Слава. Я двадцать лет не путаю карты.

— Все путают. Я в прошлом месяце гепарин назначил не тому деду. Хорошо, сестра заметила.

— Я в двадцать три десять в систему не заходила. Ни из дома. Ни откуда.

— Понял. — Он кивает, но смотрит в сторону. — Понял.

— Его кто-то знает? Пароль?

— Никто.

Я смотрю на экран. Цифры не меняются. 23:10.

В двадцать три десять я сидела в машине у маминого подъезда и слушала, как муж вспоминает Гагры.

Кожа на руках холодеет. От пальцев к локтям. Медленно. Ровно. Я слышу, как в соседнем боксе пищит чужой монитор, и не могу вспомнить, кому сегодня ставила своё имя в последний раз.

— Инна Валерьевна, — тихо говорит Гусев. — Можно я по журналу проверю, откуда заходили?

— Проверь.

Он щёлкает мышью. Экран мигает серым окном.

«Недостаточно прав доступа».

— Только айтишники, — говорит Гусев. — Утром.

— Утром.

— Инна Валерьевна, а если родственники спросят? Жена его в шесть приедет. С внучкой.

Варя. Восемь лет. Тётя справилась.

— Скажи, давление шалило. Стабилизировали.

— А в карте?

— В карте моя подпись, Слава.

Он молчит. Таня Белова стоит в дверях бокса и смотрит на меня. Так смотрят на пациента с плохими анализами. Сочувствие. И дистанция.

Я сажусь на табурет у кровати Ковалёва и беру его за запястье. Пульс частый, нитевидный, живой.

Мой пароль знают двое. Я. И человек, пятнадцать лет назад придумавший его вместе со мной на кухне. Дата нашей свадьбы.

Глава 4. Внутренний враг

— Тётя, это вы резали дедушку?

Девочка стоит в дверях бокса. Розовый пуховик, шапка с ушами, бахилы на сапогах. Варя. Восемь лет.

— Я.

— А почему он жёлтый?

— Варя, — Ковалёва тянет её за рукав. — Не мешай доктору.

— Он устал, — говорю я. — Ночью давление шалило. Мы его поправили.

— Вы всю ночь сидели?

— Всю ночь.

— У вас глаза красные. Как у мамы, когда папа ушёл.

— Варя.

— Что? Я правду говорю.

— Ты правду говоришь, — соглашаюсь я.

— А вы его ещё будете резать?

— Надеюсь, нет.

— А если будете, можно я посмотрю? Я крови не боюсь. Я в школе в медпункте помогала.

— Посмотрим, когда вырастешь.

— Все так говорят.

Ковалёва краснеет до шеи. Я поднимаюсь с табурета. Колени деревянные, шесть часов в одной позе.

— Пётр Ильич стабилен. Сто на шестьдесят. Сегодня понаблюдаем. Завтра, если всё спокойно, снимем трубку.

— Вчера вы говорили — сегодня.

— Вчера было вчера.

Она смотрит на меня долго. Кивает. Обнимает внучку за плечи.

— Спасибо вам, Инна Валерьевна.

Я выхожу. «Спасибо» оседает на коже липким. За что спасибо. За мою подпись в его карте.

* * *

— Садитесь, Инна Валерьевна.

Кабинет Михаила Петровича. Дубовый стол, кожаные кресла, на стене диплом Сорбонны в рамке. Михаил Петрович сидит во главе. Справа Максим. Слева, у окна, начмед Курбатов с папкой. Милана на стуле у двери, коленки вместе, руки на коленках. Школьница у директора.

Роман сидит в углу, на подоконнике. Блокнот на колене. Его никто не звал. Его никто не выгнал.

— Я постою.

— Садитесь, — повторяет Михаил Петрович. — Разговор длинный.

Сажусь.

— Нитропруссид, — говорит он. — Пять микрограммов. Больному с давлением сто на шестьдесят. В одиннадцать вечера. Под вашей подписью. Объясните.

— Я его не назначала.

— Подпись ваша.

— Подпись моя. Назначение чужое.

— Как это технически возможно?

— Кто-то зашёл под моей учётной записью.

— Пароль кто-то знает?

Я смотрю на Максима. Он смотрит в стол.

— Я никому его не сообщала.

— То есть никто, — кивает Михаил Петрович. — Где вы были в двадцать три десять?

— В машине. У дома матери. На Соколе.

— Кто может подтвердить?

— Мой муж. Мы разговаривали по телефону с двадцати трёх ноль семи до двадцати трёх шестнадцати.

Все поворачиваются к Максиму.

Он поднимает голову. Медленно. Лицо серое, под глазами тени. Он тоже не спал. Интересно, где.

— Мы разговаривали, — говорит он. — Это правда.

— Вот, — выдыхает Курбатов. — Вопрос снят.

— Где она находилась, я не знаю.

Тишина.

— Поясните, Максим Андреевич, — Михаил Петрович снимает очки.

— Я слышал работающий двигатель. — Максим говорит тихо, через силу. — Инна сказала, что у мамы. Я верю. Но я не видел. Машина могла стоять где угодно. — Пауза. — В том числе на нашей парковке.

— Макс.

— Ин, я обязан говорить правду. Здесь человек чуть не умер.

— Ты знаешь, где я была.

— Я знаю, где ты сказала, что была. — Он поворачивается к Михаилу Петровичу. — Миша, я должен сказать. Мне тяжело. Инна последние недели нестабильна. У нас проблемы в семье. Вчера был… эпизод. Она била посуду. Ушла из дома ночью. Она не спит, она срывается на коллегах, вчера при всей ординаторской. Я не обвиняю. Я боюсь за неё. И за пациентов.

Курбатов кашляет в кулак. Михаил Петрович смотрит на меня поверх очков.

— Это так, Инна Валерьевна? Посуда?

— Три тарелки.

— Три тарелки, — повторяет он ровно.

— Миша, это наш личный вопрос, — говорит Максим. — Я поднял его только из-за назначения.

— Конечно, — кивает Михаил Петрович. — Милана Игоревна, вы что-то хотели добавить?

Милана поднимает глаза. Влажные. Голос дрожит, ровно на полтона.

— Я не хотела говорить. Правда. После вчерашнего мне страшно что-то говорить про Инну Валерьевну.

— Говорите.

— Я дежурила по анестезиологии до полуночи. Около одиннадцати я шла мимо ординаторской кардиохирургии. Там горел свет. Дверь была приоткрыта.

— И?

— Там кто-то сидел за столом Инны Валерьевны. Спиной. Светлые волосы в пучке. — Она сглатывает. — Я подумала, Инна Валерьевна задержалась. Я не стала заходить. Она на меня днём так кричала.

— Я не кричала.

— Вы отстранили меня от операции при всех. — Губы дрожат. — Это хуже крика.

— Милана Игоревна, — голос Романа с подоконника. Низкий, ленивый. — Какой длины волосы?

Милана оборачивается.

— Что?

— Волосы. Светлые. В пучке. Какой длины?

— Я не… до плеч, наверное. Я со спины видела.

— Какой цвет халата?

— Белый.

— Белый. В кардиохирургии хирурги в синих. Белые у анестезиологов. — Он что-то пишет в блокнот. — Свет горел верхний или настольная лампа?

— Роман Сергеевич, это допрос? — Максим поворачивается к нему.

— Это анамнез. Я диагност. Я собираю анамнез.

— Вас сюда не приглашали.

— Меня сюда ночью разбудил Гусев. Сказал: у Соболевой беда. Я пришёл. — Он смотрит на Милану. — Лампа или верхний?

— Лампа, — шепчет Милана.

— Настольной лампы на столе Соболевой нет. Сгорела в августе. Заявка в хозчасть висит третий месяц. — Он закрывает блокнот. — У меня всё.

Курбатов смотрит на Милану. Милана смотрит на Максима. Максим смотрит в окно.

— Я могла перепутать, — говорит Милана. — Было темно. Я устала. Я с утра на ногах.

— Конечно, могли, — говорит Роман.

* * *

— Миша, давай закончим, — Максим встаёт. — У меня в девять планёрка.

— Сядь, Максим.

Максим садится.

Михаил Петрович надевает очки. Перекладывает бумаги. Служебная записка Миланы сверху. Я вижу свою фамилию, подчёркнутую её почерком. Круглым, с завитками.

— Инна Валерьевна. Я вас знаю двенадцать лет. Вы мне в четырнадцатом году сына с того света вытащили. Я помню.

— Я тоже помню.

— Тогда второе. — Он поднимает записку Миланы. — Травля молодого специалиста. Публичные унижения. Угроза увольнением. Это тоже вы?

— Угроз не было.

— Милана Игоревна пишет, вы сказали ей на посту: «Сегодня вы не работаете». При свидетелях.

— Сегодня. На Гавриловой. С гель-лаком.

— Гель-лак, — Курбатов морщится. — Слушайте, ну это же ерунда какая-то.

— Ерунда, — соглашаюсь я. — Пока у Гавриловой не начнётся медиастинит.

— Свидетели есть? — спрашивает Михаил Петрович.

— Две сестры на посту. Максим Андреевич.

Максим молчит.

— Максим Андреевич? — Михаил Петрович поворачивается к нему.

— Я слышал про лак, — неохотно говорит Максим. — Формально Инна Валерьевна права. По тону — нет.

— По тону, — повторяет Михаил Петрович. — Хорошо. Запишем: «по тону».

Курбатов записывает. Милана опускает глаза.

— Поэтому скажу прямо. Я вам верю. Лично. — Он постукивает ручкой по столу. — Но у меня клиника. Лицензия. Страховые компании. Родственники Ковалёва, если узнают, пойдут по всем инстанциям. Если в карте подпись заведующей под ошибочным назначением, а заведующая продолжает оперировать, меня закроют за неделю.

— Михаил Петрович, проверьте журнал доступа. Там видно, с какого компьютера был вход. Там видно время. Я в это время на Соколе была, по геолокации телефона…

— Проверим. Курбатов, айтишникам.

— Сделаем, — кивает Курбатов. — Только у нас один Витя на всю сеть, и он в отпуске до понедельника.

— Ничего. Подождём.

— Я прошу дать доступ к серверу, — говорит Роман. — Сегодня. Мне хватит часа.

— Роман Сергеевич, вы диагност. Серверы вне вашей компетенции.

— Логи читать умеет любой, кто читал томограммы.

— Нет, — отрезает Максим. — Доступ к медицинским данным пациентов строго регламентирован. Я как главный врач возражаю. Дождёмся специалиста.

Роман смотрит на Максима. Долго. Молча. Потом что-то пишет в блокнот.

— Решено, — говорит Михаил Петрович. — Служебное расследование. Курбатов, комиссию собери. Инна Валерьевна.

Я поднимаю голову.

— Вы отстраняетесь от операций. На время расследования. Срок — месяц. Отделением временно руководит Ларин. Консультации, обходы, бумаги — пожалуйста. Скальпель — нет.

— Месяц.

— Месяц, Инна. Это я вас защищаю.

— От кого?

Он не отвечает. Снимает очки и трёт переносицу.

— Свободны. Все.

* * *

Коридор. Двери лифта. Я жму кнопку. Раз. Второй. Кнопка залипает.

— Ин.

Максим за спиной. Близко. Пахнет моим гелем для душа и чужой ночью.

— Я не мог иначе, — говорит он вполголоса. — Ты пойми. Если бы я сказал «она была у мамы», а потом выяснилось бы… Меня бы тоже потопили. Вдвоём бы утонули. А так я на плаву. Я тебя вытащу.

— Пароль, Макс.

— Что пароль?

— Дата нашей свадьбы. Ноль девять ноль шесть. Ты его придумал. На кухне на Профсоюзной. Ты сказал: «Чтобы ты каждый раз вспоминала меня, когда входишь в систему».

Лицо у него не меняется. Ни на миллиметр.

— Ин, у тебя этот пароль на стикере под клавиатурой висел пять лет. Вся ординаторская его знает.

— Неправда.

— Правда.

— Ты держал меня на телефоне девять минут, Макс. С двадцати трёх ноль семи. Гагры, «Пёстрая лента», утка.

— Я пытался спасти брак.

— В двадцать три десять кто-то сел за мой стол.

— Ин. — Он оглядывается на пост и понижает голос. — Ты сейчас говоришь, что я… что? Сговорился? Отвлекал? Ты слышишь себя? Это и есть паранойя. Ровно об этом я и сказал Мише.

— Ты сказал Мише, что я била посуду.

— Ты била посуду.

Он касается моего локтя. — Тебе надо отдохнуть. Месяц — это подарок. Съезди в Питер. Билеты есть.

Двери лифта открываются. Он отходит. Улыбается кому-то за моей спиной своей ямкой.

— Милана Игоревна, вы на планёрку?

— Иду, Максим Андреевич.

Они уходят вместе. Шаг в шаг.

* * *

Ординаторская. Мой стол. Монитор, клавиатура, стопка историй. Чашка с отбитой ручкой.

Я поднимаю клавиатуру.

Жёлтый стикер. Свежий. Клей ещё липкий, углы ровные. Чёрной ручкой, крупно: «0906».

Почерк круглый. С завитком на шестёрке.

Сзади тихо закрывается дверь.

— Не трогай, — говорит Роман. — Отпечатки.

Он стоит у порога. Блокнот в руке. Смотрит на стикер. Потом на меня.

— Инна. Ты понимаешь, что тебя хоронят?

— Понимаю.

— Хорошо. — Он садится на край стола Гусева, тяжело, дерево скрипит. — Тогда давай я тебе кое-что покажу. Только ты сначала сядь.

— Я сижу.

— Ты стоишь, Инна.

Я смотрю вниз. Стою. Клавиатура у меня в руках. Пальцы держат её крепко, до белых костяшек.

Мои руки дрожат.

Глава 5. Холодный расчёт

POV: Роман

— Положи клавиатуру, Инна.

Она кладёт. Аккуратно, ровно по краю стола. Пальцы ходят мелкой дрожью. У Соболевой. У человека, на чьих швах я учу ординаторов, как выглядит идеальная работа.

Я подвигаю ей стул ногой.

— Сядь.

Садится.

— Смотри. — Я открываю блокнот. — Записывал ночью. Гусев, Белова, журнал помпы.

— Ты был здесь ночью?

— С трёх до шести. Гусев позвонил мне раньше тебя.

— Почему тебе?

— Потому что я ему в прошлом году нашёл аневризму, и он теперь мне звонит по любому поводу. — Я веду пальцем по строчкам. — Двадцать три ноль пять. Белова на посту реанимации. Заходит Милана Игоревна. Спрашивает давление Ковалёва. Говорит: «Для отчёта по анестезии».

— Она не вела Ковалёва в реанимации.

— Не вела. Белова тоже удивилась. Двадцать три десять — назначение. Двадцать три двенадцать — Белова звонит тебе. Ты сбрасываешь.

— Я говорила с Максимом.

— Знаю. Двадцать три пятнадцать — Белова запускает помпу. Двадцать три двадцать — Милана снова на посту реанимации. Спрашивает, «всё ли ввели по назначению Соболевой».

Инна поднимает голову.

— Она назвала фамилию?

— Назвала. Белова запомнила. Говорит: странно, анестезиолог, ночь, чужой больной, а она про назначение кардиохирурга знает раньше дежурного реаниматолога.

— Почему Белова молчала на разборе?

— Белову на разбор не позвали.

Инна смотрит на стикер под клавиатурой. «0906».

— Это её почерк, — говорит она. — Записка. Те же завитки.

— Я видел.

— Почему ты не сказал при Михаиле Петровиче?

— Потому что почерк — это графология. Графология — гадание на кофейной гуще. Мне нужен лог. Лог — это анализ крови. С ним не спорят.

— Максим запретил тебе сервер.

— Максим запретил мне доступ. — Я закрываю блокнот. — Про сервер он ничего не говорил.

* * *

Витя отвечает с четвёртого гудка. На фоне шумит море.

— Роман Сергеевич, я в Анапе. Я в отпуске. Я на шезлонге.

— Витя, у тебя пятнадцать минут. Потом шезлонг.

— Что случилось?

— Мне нужен журнал авторизаций МИС за вчера. С именами рабочих станций.

— Через главного врача.

— Главный врач возражает.

Пауза. Плеск. Крик чаек.

— Это из-за Соболевой?

— Из-за Соболевой.

— Она мне кота в прошлом году пристроила. Рыжего, из подвала. — Витя вздыхает. — Пароль администратора в сейфе у охраны. Скажете Палычу, что я разрешил. Только мне по почте ничего не присылайте. Я ничего не знаю.

— Ты ничего не знаешь.

— И ключ от серверной. Он там же. Синяя бирка.

— Спасибо, Витя.

— Роман Сергеевич. Если Соболев узнает, меня уволят.

— Если Соболев узнает, его уволят раньше.

* * *

Палыч смотрит на меня из-за стекла поста охраны. Жуёт бутерброд.

— Витя разрешил, — говорю я.

— Витя в Анапе.

— Позвони ему.

Палыч не звонит. Долго жуёт. Потом лезет в сейф.

— Как Людмила? — спрашивает он, протягивая ключ.

— Твоя Людмила?

— Моя. Вы ей узел в щитовидке смотрели. В июле.

— Помню. Доброкачественный. Пусть пьёт йод и не нервничает.

— Она не нервничает. Она меня нервирует. — Палыч отдаёт листок с паролем. — Через полчаса чтобы вернули.

— Через двадцать минут.

* * *

Серверная гудит. Холодно, плюс шестнадцать. Мигают зелёные лампочки. Пахнет пылью и нагретым пластиком.

Логи — это просто. Время, учётная запись, рабочая станция. Столбики. Ниже — следующие столбики. Я пятнадцать лет читаю срезы по три миллиметра. Тут проще.

22:51. milana.ig. ANEST-PC-02. Вход.

23:09. soboleva.iv. ANEST-PC-02. Вход.

23:10. soboleva.iv. Изменение: Ковалёв П.И., назначение.

23:11. soboleva.iv. ANEST-PC-02. Выход.

23:24. milana.ig. ANEST-PC-02. Выход.

ANEST-PC-02. Ординаторская анестезиологии. Второй стол от окна. Стол Миланы Игоревны.

Я фотографирую экран. Четыре раза. С разных углов, чтобы видно было часы в углу монитора. Потом сохраняю выгрузку на флешку.

Пролистываю выше. Просто так. Привычка — смотреть соседние срезы.

21:40. maxim.sobolev. ADMIN-PC-01. Вход.

21:42. maxim.sobolev. Изменение: учётная запись soboleva.iv. Сброс пароля.

21:43. maxim.sobolev. Выход.

Я смотрю на эту строчку долго. Гудит вентилятор. На шее холодеет пот.

Сброс пароля. Новый пароль приходит на служебную почту. Соболева свою служебную почту открывает раз в неделю. Об этом знает вся клиника.

Главный врач сбросил жене пароль за полтора часа до назначения.

Я фотографирую и это.

* * *

В коридоре у лифта стоит Милана. Телефон в руке, планшет под мышкой. Ваниль на три метра.

— Роман Сергеевич. — Улыбка. Белые зубы. — Вы из подвала? Там же серверная.

— Там же прачечная.

— Вы сами стираете халаты?

— Я сам многое делаю.

Она подходит ближе. Смотрит на мои руки. В правой ключ с синей биркой. Я не прячу.

— Максим Андреевич сказал, доступ к серверу только через айтишника.

— Максим Андреевич много чего говорит.

— Вы не любите его.

— Я никого не люблю, Милана Игоревна. Это экономит время.

— А Инну Валерьевну?

— Инну Валерьевну я уважаю. Это другое.

Она наклоняет голову. Тёмная прядь падает на щёку.

— Вы утром так интересно спрашивали. Про лампу. Про халат. Я потом полдня думала. Вы всегда такой внимательный?

— Всегда.

— Это опасно, — говорит она мягко. — Для здоровья. Внимательные люди плохо спят.

— Я сплю четыре часа. Мне хватает.

Лифт открывается. Я вхожу. Она остаётся.

— Роман Сергеевич, — говорит она, когда двери уже ползут навстречу. — Передайте Палычу, пусть ключ вытрет. Он жирный, Палыч всё время ест.

Двери закрываются.

Я смотрю на свои пальцы на ключе. Мне сорок семь лет. Мне давно не бывает страшно от женских голосов.

* * *

Инна сидит у себя в кабинете. Дверь открыта. На столе остывший чай, пакетик висит за край чашки. Она смотрит в окно на парковку.

Я закрываю дверь. Кладу перед ней телефон.

— Смотри.

Она листает фотографии. Медленно. Увеличивает пальцами строчки.

— ANEST-PC-02.

— Её стол.

— С её учётки вход в двадцать два пятьдесят один. С моей в двадцать три ноль девять. На одном компьютере.

— Да.

— Значит, Милана.

— Листай дальше.

Она листает. Останавливается.

Двадцать один сорок два.

Я смотрю, как у неё меняется лицо. Ничего не меняется. Только ноздри чуть белеют.

— Сброс пароля, — говорит она ровно.

— Твоей учётной записи. Через администраторский компьютер. Под логином главного врача.

— Новый пароль пришёл на почту.

— На служебную. Ты её открываешь?

— По пятницам.

— Вот.

Она кладёт телефон на стол экраном вниз.

— Инна. — Я сажусь напротив, стул скрипит под моим весом. — Скажу прямо, ты прямое любишь. Твой муж покрывает любовницу. Хуже. Твой муж ей помогает. Им нужно твоё

отделение. Ей — твоё место у стола. Ему — тишина, развод с выгодой и молодая жена. Ты им мешаешь в одной точке. Тебя вырезают.

— Нет.

— Логи говорят да.

— Логи говорят: Максим сбросил пароль. — Она смотрит мне в глаза. Серые глаза, красные веки. — Главный врач сбрасывает пароли раз в неделю. Кто-то забыл, кто-то заблокировал. Он мог сделать это по просьбе. По её просьбе. «Максим Андреевич, Инна Валерьевна заблокировала доступ, сбросьте». Он сбросил. Не глядя.

— А новый пароль Милана взяла из твоей почты?

— Пароль от почты тоже дата свадьбы.

— Инна.

— Я знаю. — Она трёт лоб. — Я идиотка с одним паролем на пятнадцать лет. Знаю.

— Я тебя за это не сужу.

— А за что судишь?

— За то, что ты его выгораживаешь.

Она молчит. Потом:

— Рома, он слабый. Он трус. Он врёт, он изменяет, он сегодня утром меня продал Михаилу Петровичу за свою должность. Я это видела. Но человека на столе он не убьёт. Он врач. Он двадцать лет назад сидел со мной на дежурствах в Склифе, он руками качал сердце бомжу на Казанском. Он не убийца.

— Ковалёв чуть не умер.

— Потому что Милана — дура и не знает дозировок нитропруссида.

— Или потому что знает слишком хорошо.

Мы смотрим друг на друга через стол. Рома. Она меня так назвала. Я отмечаю это где-то сбоку и откладываю. Не сейчас.

— Что ты хочешь от меня? — спрашивает она.

— Чтобы ты перестала его защищать. Хотя бы в голове.

— Не могу.

— Почему?

— Пятнадцать лет, Роман Сергеевич. Пятнадцать лет нельзя выключить за одни сутки. Это не наркоз.

— Жаль, — говорю я. — Наркоз было бы удобно.

Она улыбается. Криво, на один угол.

— Флешка у тебя?

— У меня.

— Не отдавай её никому.

— Ты меня с кем-то путаешь, Инна.

Я встаю. У двери она меня окликает.

— Рома.

— Что?

— Спасибо.

— Пей мой кофе. Хоть иногда.

— Я пью чай.

— Знаю. Пакетик за край чашки. Ты его так вешаешь с восемнадцатого года.

— Ты следишь за мной?

— Я диагност, Инна. Я замечаю.

* * *

Дома тихо. Кофемашина щёлкает и шипит. Чёрный. Горький. Сахар я бросил вместе с сигаретами, сигареты потом вернулись. Я сажусь на подоконник кухни с чашкой. Внизу проспект, фары, мокрый асфальт.

Флешка лежит на столе. Рядом блокнот.

Я думаю о её руках на клавиатуре. О белых костяшках. О том, как она сказала «Рома».

Плохая мысль. Я пью кофе.

Телефон загорается в 23:41.

«Соболева И.».

Фотография. Чужой телефон в её ладони. Экран мессенджера.

«Мила»: «Когда она уйдёт, отделение будет нашим. Ты обещал. Не тяни с Питером».

Ниже, его ответ, отправлен вчера в 21:44:

«Сегодня сбросил. Пароль у неё на почте. Только бумажки, Мила. Пациентов не трогай. Удали это».

Через минуту — текст от Инны.

«Он пришёл к маме мириться. Уснул на диване. Я взяла телефон. Рома, ты был прав».

Я набираю: «Где ты?»

«В ванной. Заперлась».

«Он спит?»

Три точки. Пропадают. Снова три точки.

«Проснулся. Ищет телефон. Стучит в дверь».

Я ставлю чашку на подоконник. Кофе плещется через край, на пальцы. Горячо. Я не чувствую.

«Инна. Отвечай».

Две серые галочки. Синими они не становятся.

Глава 6. Публичная казнь

— Ин, открой.

Стук. Ровный, костяшками. Три раза.

— Ин. Я знаю, у тебя мой телефон.

Я сижу на краю ванны. Мамин кафель, зелёный, с отбитым углом у крана. Его телефон у меня на коленях экраном вниз. Мой — в кармане халата, на беззвучном.

— Открой, пожалуйста. Мама спит.

— Мама не спит, — говорит мамин голос из коридора.

Тишина.

— Галина Фёдоровна, простите. Мы с Инной разговариваем.

— Вы разговариваете с дверью, Максим. Дверь вам не ответит.

Я открываю защёлку.

Он стоит в коридоре в мятой рубашке, босиком. Лицо со сна, на щеке след от подушки. Мама за его спиной, в халате, руки на груди.

— Отдай, — говорит он тихо.

Протягиваю.

Он смотрит на экран. На открытую переписку. Палец замирает над стеклом.

— Ты читала.

— Читала.

— Ин…

— «Только бумажки, Мила». — Голос у меня спокойный. Я слышу его со стороны. — Бумажки, Макс. Моя подпись — бумажки. Мой диплом — бумажки. Пятнадцать лет — бумажки.

— Я не хотел, чтобы так вышло.

— А как ты хотел?

— Я хотел, чтобы ты уехала в Питер. Отдохнула. Вернулась, а тут… — Он трёт лицо. — Тут уже всё решено. Тихо. Мирно. Тебя перевели бы консультантом. Оклад тот же.

— А отделение?

Он молчит.

— Отделение Милане, — говорит мама из-за его спины. — Я правильно понимаю, Максим?

— Галина Фёдоровна, это не ваше…

— Мой дом. Моя дочь. Мой диван. Вы на нём спали. — Мама протягивает ладонь. — Ключи.

— Какие ключи?

— Мои. Вам Инна давала в позапрошлом году, когда я лежала с давлением. Вы их так и не вернули.

Он лезет в карман брюк. Связка звякает. Он снимает один ключ, медный, с зелёной пластиковой головкой, и кладёт маме в ладонь.

— Ин. Я удалю это. Слышишь? Я сейчас удалю, и ничего этого не было.

Он нажимает. Переписка исчезает.

— Было, — говорю я.

— У тебя нет доказательств.

Я смотрю на него долго.

— Иди домой, Макс.

Он уходит. Хлопает дверь подъезда. Мама запирает замок на два оборота и задвигает цепочку.

— Чай? — спрашивает она.

— Мам, три часа ночи.

— Именно поэтому.

— Он удалил переписку, мам.

— У тебя копия есть?

— Есть. У Романа.

— Кто такой Роман?

— Коллега. Диагност.

— Коллега-диагност в три часа ночи хранит твои копии, — говорит мама и ставит чайник. — Ну-ну.

Я достаю свой телефон. Одиннадцать сообщений от Романа. Последнее, в 23:58: «Еду».

Пишу: «Не надо. Он ушёл. Мама выгнала».

Ответ приходит через секунду.

«Я уже у подъезда. Посижу в машине до утра. Спи».

Я подхожу к окну. Внизу, под фонарём, тёмный «Лендкрузер» с выключенными фарами. В салоне огонёк сигареты.

— Ну-ну, — повторяет мама у меня за спиной.

* * *

Пять дней я не оперирую.

Хожу на обходы. Подписываю выписки. Консультирую в поликлинике. Ларин заходит ко мне в кабинет с каждым сложным больным, стыдливо, бочком.

— Инна Валерьевна, тут митральный клапан у Сафронова… Вы бы глянули.

— Гляну.

— Вы как? Держитесь?

— Держусь, Паша.

— Мы все за вас. Честно. Только громко говорить боятся.

— Понимаю.

Каждое утро в восемь пятнадцать на моём столе стоит картонный стакан. Чёрный кофе. Горький. Крышка закрыта. Подписи нет.

На третий день я выпиваю его до дна.

На четвёртый в коридоре сталкиваюсь с Романом.

— Отвратительный кофе, — говорю я.

— Я знаю. Автомат на первом этаже.

— Зачем ты его носишь?

— Чтобы ты пила хоть что-то, кроме своего пакетика. — Он идёт рядом, руки в карманах. — Витя прилетает в воскресенье. В понедельник утром он официально снимет логи. С подписью, с печатью, при Курбатове. Мои фотографии тогда — просто подтверждение.

— А если Максим за выходные почистит сервер?

— Не почистит. Он не знает как. — Пауза. — И флешка у меня.

— И переписка удалена.

— Скриншот у меня в телефоне. И в облаке. И на бумаге в сейфе у Палыча, в конверте. Палыч думает, там анализы его Людмилы.

Я останавливаюсь.

— Рома. Ты всё это время…

— Я диагност. Я документирую.

— Зачем тебе это, Рома?

Он останавливается у окна. Смотрит на парковку, на мою машину во втором ряду.

— Мне сорок семь лет. У меня в отделении четыре аппарата, два из них старше моих ординаторов. Я каждый день вижу, как люди врут. Про алкоголь. Про курение. Про боль в груди. — Пауза. — Ты не врёшь. Ты вообще не умеешь. Это редкость. Редкость надо беречь.

— Звучит как диагноз.

— Это и есть диагноз.

— Какой?

— Хронический. Неоперабельный.

Он идёт дальше. Я смотрю ему в широкую спину и не понимаю, отчего у меня горят уши.

* * *

Конференц-зал. Утро седьмого дня. Шестьдесят человек на стульях. Хирурги, анестезиологи, реаниматологи, старшие сёстры. Михаил Петрович за трибуной. Максим справа. Курбатов слева. Милана в первом ряду, в бежевом костюме, волосы распущены.

— Коллеги, — говорит Михаил Петрович. — До повестки. Неприятный вопрос.

Шорох. Шестьдесят голов поворачиваются ко мне.

— Инна Валерьевна в своей объяснительной указала, что учётную запись использовала Милана Игоревна. Доказательств к объяснительной не приложено. Милана Игоревна подала заявление о клевете.

Тишина.

— В клинике действует кодекс этики. Пункт седьмой. Голословное обвинение коллеги — дисциплинарный проступок. — Он снимает очки. — Инна Валерьевна, я прошу вас извиниться перед Миланой Игоревной. Здесь. Сейчас. И мы закроем этот вопрос до окончания расследования.

— Михаил Петрович. В понедельник будут логи.

— В понедельник будут логи, — соглашается он. — А сегодня пятница. И сегодня у меня заявление о клевете. Публичное обвинение — публичное извинение.

Я встаю.

Шестьдесят пар глаз. Зоя в третьем ряду, лицо пятнами. Гусев смотрит в пол. Ларин отворачивается. Роман у стены, у самой двери, со стаканом в руке.

Максим смотрит на меня. Мягко. С сожалением. Так смотрят на больного, отказавшегося от лечения.

— Инна Валерьевна? — Михаил Петрович ждёт.

— Нет.

— Инна…

— Я не извинюсь, Михаил Петрович. Я назвала человека, вошедшего под моим логином. Я это повторю. Здесь. Сейчас.

Гул по залу.

— Вы понимаете последствия… — начинает Курбатов.

— Понимаю.

Милана поднимается со стула. Медленно. Поворачивается к залу. Лицо белое, губы дрожат.

— Инна Валерьевна, — говорит она тонко, — за что вы так со мной? Я вам ничего не сделала. Я просто работаю. Я просто…

Она подносит руку ко лбу. Пальцы скользят по виску.

— Простите… мне…

Колени подгибаются. Она оседает. Красиво, боком, на ковровую дорожку между рядами. Волосы веером. Бежевый пиджак распахивается.

Кто-то вскрикивает.

Максим перелетает через трибуну.

Перелетает. Сорок четыре года, колено после мениска, он полгода задыхается на лестнице к третьему этажу. Он перелетает через трибуну и падает перед ней на колени.

— Мила. Мила, ты меня слышишь? — Хлопает её по щекам. — Мила.

— Максим Андреевич, положите её ровно, — говорит Гусев, вставая. — Ноги выше.

— Я сам.

— Пульс…

— Я сказал, сам.

Он поднимает её на руки. Целиком, с пиджаком, с волосами. Её голова у него на плече. Рука свисает.

Шестьдесят человек молчат.

— Пропустите, — говорит Максим.

Ряды расступаются. Он идёт к двери. Мимо меня. Не глядя. Её туфля соскальзывает с ноги и падает на ковёр у моих ног. Бежевая лодочка, тридцать седьмой размер.

Роман у двери отходит в сторону. Пропускает.

Когда за Максимом закрывается дверь, Роман ставит свой стакан на подоконник. Громко.

— Коллеги, — говорит он на весь зал. Голос низкий, спокойный. — Обморок. Вазовагальный. Пульс на сонной есть, дыхание ровное, тонус в руках сохранён — она держала пиджак, я видел. Поза при падении — защитная, голова на мягком. Ни одной ссадины.

— Роман Сергеевич… — начинает Михаил Петрович.

— Я тридцать лет вижу настоящие обмороки, Михаил Петрович. Это спектакль. Хороший, со вторым актом. Аплодисментов не будет.

Он открывает дверь и выходит.

Зал гудит, шуршит, кто-то нервно смеётся. Михаил Петрович надевает очки и долго смотрит на меня поверх стёкол.

— Инна Валерьевна. Сядьте.

— Я постою.

— Сядьте, — говорит он устало. — Вопрос отложен. Повестка. Курбатов, давай закупки.

* * *

Михаил Петрович догоняет меня в коридоре. Дышит тяжело, держится за перила.

— Инна. Две минуты.

— Слушаю.

— Ты понимаешь, что сейчас сделала? Шестьдесят человек. Половина завтра расскажет пациентам, что Соболева довела ординатора до обморока.

— Понимаю.

— В понедельник логи будут?

— Будут.

— Если не будут, я подпишу твоё увольнение. Сам. Своей рукой. Не потому что хочу.

— Я знаю.

— Ничего ты не знаешь. — Он снимает очки, протирает полой пиджака. — Заславский. Я его двенадцать лет знаю. Он за двенадцать лет ни разу ни за кого голос не поднял. Даже за себя. Он на прошлой аттестации молчал, когда его на категорию срезали. А сегодня при всём зале…

— Он сказал правду.

— Он сказал правду ради тебя, Инна. Это разные вещи. — Михаил Петрович надевает очки. — Будь осторожна. С обоими.

— С кем — обоими?

Он не отвечает. Уходит, держась за перила.

* * *

После планёрки я иду к лифту. Туфля Миланы так и осталась в зале, на ковре. Я её не поднимаю.

У лифта ждёт Ольга Сергеевна, дежурный терапевт приёмного отделения. Шестьдесят лет, очки на цепочке, сорок лет в медицине. Её позвали к Милане из приёмного.

Она берёт меня за локоть. Отводит к окну. Смотрит снизу вверх, сочувственно, по-матерински.

— Инночка, — шепчет она. — Ты только не волнуйся. Тебе надо знать раньше всех. Чтобы не по слухам.

— Что, Ольга Сергеевна?

— Она в сознании. Давление нормальное. Я её смотрю, а она мне — тест. Из сумочки. Две полоски.

Пол под ногами качается. Плавно, медленно, как палуба.

— Беременна, — говорит Ольга Сергеевна ещё тише. — Говорит, шесть недель. Говорит, Максим Андреевич знает. Говорит, они очень ждали.

Они очень ждали.

Мы тоже ждали. Три года. Сорок два теста в мусорном ведре нашей ванной. Каждый с одной полоской. Я их считала.

— Инночка?

— Спасибо, Ольга Сергеевна.

— Ты бледная. Сядь.

— Я постою.

Лифт открывается. Внутри никого. Я захожу. Нажимаю кнопку. Двери ползут навстречу.

Шесть недель.

Я считаю назад. Привычка. Акушерский срок от первого дня последних месячных. Минус две недели до зачатия. Четыре недели назад.

Четыре недели назад был мой день рождения. Максим ушёл с ужина на двадцать минут. Смотрел в телефон. Мама засекала.

Глава 7. Чужая кровь

POV: Максим

— Ты сказал ей?

Мила сидит на кушетке в моём кабинете. Босая, вторая туфля так и осталась в конференц-зале. Ноги поджаты. Пьёт сладкий чай из моей кружки с логотипом «Медикуса».

— Ещё нет.

— Ольга Сергеевна сказала. Я видела, как она её к окну отвела.

— Значит, Инна знает.

— От Ольги Сергеевны, Макс. От старой сплетницы в очках. — Она ставит кружку на подлокотник. — А должна от тебя.

— Мила, давай вечером.

— Давай сейчас.

Я сажусь за стол. Голова гудит. Колено ноет после прыжка через трибуну. Сорок четыре года. Я прыгнул через трибуну при шестидесяти свидетелях. Михаил Петрович смотрел на меня тяжело, с брезгливостью.

— Ты правда беременна?

Она поднимает бровь.

— Ты хочешь посмотреть тест ещё раз? Он в сумке. Можешь взять. Понюхать.

— Я просто спрашиваю.

— Ты просто спрашиваешь. — Она встаёт, подходит, садится мне на колени. Руки на шее. Ваниль. — Шесть недель, Максим Андреевич. Сердцебиение на УЗИ через неделю. Сын.

— Откуда ты знаешь, что сын?

— Чувствую. — Она целует меня в угол рта. В ямку. Знает, куда. — Ты хотел сына. Ты мне сам говорил. В «Аврелии». Помнишь?

— Помню.

— Тогда иди и скажи ей. Сегодня. Про развод. Про квартиру. Пусть подписывает и уезжает в свой Питер. Хоть навсегда.

— Мила, квартира на мне.

— Тем более.

— Мила, она здесь работает. Её любят.

— Её боятся, Макс. Это разное. — Она проводит пальцем по моему галстуку, сверху вниз. — Её боятся сёстры, её боятся ординаторы, её боишься ты. Тебя кто-нибудь здесь любит?

— Не знаю.

— Я люблю. — Она улыбается. — Видишь, как просто.

— А Заславский? После сегодняшнего он не уймётся.

— Заславский — старый медведь. Медведи спят зимой. — Она пожимает плечом. — Я ему найду берлогу.

Она слезает с колен, берёт туфлю в руку и босиком идёт к двери.

— Я жду звонка, — говорит она, не оборачиваясь. — До полуночи.

* * *

Инна приходит в восемь. Своим ключом. Я слышу его в замке и встаю с дивана. Чемодан стоит открытый посреди спальни. Рубашки, бритва, папка с документами.

Она смотрит на чемодан из дверей.

— Уезжаешь?

— Переезжаю.

— К ней.

— Да.

Она кивает. Проходит мимо меня в шкаф. Снимает с вешалки зимнее пальто. Достаёт из ящика свою папку — паспорт, диплом, сертификаты. Движения точные, экономные. Пятнадцать лет я смотрю, как она собирает инструменты.

— Ин.

— Да.

— Нам надо поговорить.

— Говори.

— Сядь.

— Мне и так удобно.

Она стоит у шкафа, пальто на сгибе локтя. Серые глаза. Волосы в пучке. Лицо чистое. Она никогда не красилась на работу. Говорила: косметика под маской течёт.

— Ты слышала про Милу.

— Слышала.

— Это правда.

— Тест из сумочки — правда?

— Не надо, Ин.

— Я спрашиваю как врач. Тест — это тест. Две полоски бывают при пузырном заносе, при хорионэпителиоме, при приёме ХГЧ для похудения. Кровь сдавали? УЗИ было?

— Через неделю УЗИ.

— Значит, кровь не сдавали.

— Инна. — Я сажусь на край кровати. Колено стреляет. — Я хочу развода.

Она молчит. Перекладывает пальто на другую руку.

— Быстро, — говорю я. — Мирно. Через загс, раз детей нет. Квартира остаётся мне, у меня ипотека на ней до двадцать девятого года. Дача — тебе. Машину бери. Счёт в Сбере пополам.

— Щедро.

— Я не хочу войны.

— Ты её начал в душевой, Макс.

— Я её не начинал. Я просто… — Я тру лицо. — Ин. Мне сорок четыре. У меня скоро будет ребёнок. Сын. Мой.

— Твой.

— Мой. Мне его никто не подарит второй раз.

— Тебе его никто и в первый раз не дарил.

Я поднимаю голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Тест из сумочки. — Она пожимает плечом. — Ничего. Продолжай.

— Я хочу семью, Инна. Настоящую. С ребёнком. Чтобы утром на кухне кто-то кричал. Я пятнадцать лет прихожу в тихую квартиру. Ты оперируешь, ты читаешь, ты спишь. Тут тишина, как в морге.

— Тишина, — повторяет она.

— Да.

— Это была наша тишина, Макс.

— Это была твоя тишина. Ты в неё ушла. Ты бы и ребёнка в неё унесла.

Я говорю. Слышу себя. Останавливаюсь поздно.

— Мила — молодая. Здоровая. Она родит. — Я смотрю на свои руки. — А ты… Ин, ну пойми. Ты пустая.

Тишина в спальне такая, что слышно, как тикает отцовский будильник на тумбочке. Он пятнадцать лет отстаёт на четыре минуты. Инна каждую субботу его подводит.

— Пустая, — говорит Инна.

— Я не в том смысле.

— А в каком?

Я молчу.

Она кладёт пальто на кресло. Аккуратно, рукавами внутрь.

— Две тысячи двадцать второй год, — говорит она. — Март. Кабинет Ольховской на Пироговке. Помнишь?

— Ин.

— Она нам сказала: трубный фактор, обе трубы. Сказала: естественным путём шансов ноль. Сказала: ЭКО, первая попытка через два месяца, у вас хорошие показатели. Ты помнишь?

— Помню.

— Что ты сказал Ольховской?

— Инна, хватит.

— Ты сказал: «Мы подумаем». — Голос ровный. Ровнее моего. — В машине ты сказал: «Пробирка — это не по-людски. Чужие руки в нашей постели. Если Бог не дал — значит, не надо». Я спросила: а если мне надо? Ты сказал: «Ты хирург. Ты переживёшь».

— Я боялся.

— Чего?

— Что не получится. Что ты будешь колоться гормонами, плакать, а потом опять одна полоска. Я не хотел смотреть, как ты ломаешься.

— Я сорок два раза ломалась. Ты не видел. Я тесты в мусорное ведро выкидывала, под очистки. Чтобы ты не видел.

Я не знал.

Сорок два. Я не знал ни одного.

— Ин…

— Ты отказался от ЭКО, Максим. Ты. Ты сказал «пустая» про женщину, у тебя в машине выплакавшую на это три года. И ты уходишь к девочке с тестом из сумки.

Она берёт пальто и папку. Идёт мимо меня. У двери спальни останавливается.

— Будильник отстаёт на четыре минуты, — говорит она. — Подводи по субботам. Теперь это твоё.

Я смотрю ей в спину. В прихожей хлопает дверь. Тихо. Она всегда закрывала двери тихо.

Я сижу на кровати долго. Потом закрываю чемодан, выхожу и хлопаю дверью так, что с полки в прихожей падает её обувная ложка.

Я её не поднимаю.

* * *

Мила открывает мне в одной футболке. Моей. Синей, с выставки в Дюссельдорфе.

— Сказал?

— Сказал.

— Про развод?

— Про развод.

Она визжит. Бросается на шею. Целует в лицо, в шею, в губы, быстро-быстро, по-детски.

— Ты мой, — говорит она мне в ухо. — Ты весь мой. Теперь всё будет наше. Слышишь? Отделение. Клиника. Всё.

— Мила, при чём тут отделение?

— Ни при чём. Я счастлива. Можно я счастливая поболтаю?

— Она спросила про кровь, — говорю я. — Сдавала ли ты кровь на ХГЧ.

— Кто? Инна?

— Инна.

— Пусть спрашивает. — Мила пожимает плечом. — Сдам. Хоть завтра. Хоть при ней. Хочешь, при ней пописаю на тест?

— Не надо.

— Вот и не надо. — Она гладит меня по щеке. — Макс. Она будет искать, к чему придраться. Она врач, она злая и бездетная. Ей больно. Я понимаю. Я правда понимаю. Но это её боль, а это — наш ребёнок.

— Ладно.

— Андрей, — говорит она мечтательно. — Назовём Андреем. В честь твоего папы.

— Отец умер шесть лет назад.

— Я знаю. Будет Андрей Максимович. Красиво же?

— Красиво.

Она тянет меня в спальню. Футболка падает на пол у порога. Под ней ничего. Я смотрю на её живот. Плоский, загорелый, с проколом в пупке.

Шесть недель. Ничего не видно. Так и должно быть.

Я кладу ладонь ей на живот. Она смеётся и прижимает мою руку сильнее, ниже.

— Он там, — шепчет. — Наш. Потрогай.

— Мила.

— Что?

— Ничего. Просто Мила.

Потом, в темноте, она лежит у меня на груди и водит пальцем по рёбрам.

— Макс. А у Инны ключи от сейфа отделения на общей связке или отдельно?

— Отдельно. На красном шнурке. В сумке, в боковом кармане. А что?

— Ничего. Она же теперь его вернуть должна, раз отстранена. Чтобы потом не говорила, что потеряла.

— Ларин заберёт.

— Конечно, Ларин. — Она зевает. — Ларин хороший. Ларин всё делает, как скажут. Мне такие нравятся.

— А я?

— А ты мой.

Она засыпает быстро. Я лежу и смотрю в чужой потолок. Чужая люстра с хрустальными подвесками. Ни одного будильника в комнате.

* * *

Понедельник. Восемь двадцать. Кабинет Михаила Петровича.

Дверь распахивается. Курбатов. Стучать он не стал. Красный, с листом в руке.

— Миша. Сейф кардиохирургии.

— Что сейф?

— Пустой. Левосимендан, двадцать четыре флакона. Альбумин, десять. Ещё пакет по мелочи. На полтора миллиона, Миша. Сестра утром открыла для Сафронова — а там пусто.

— Замок?

— Целый. Открыто ключом. — Курбатов кладёт лист на стол. — Журнал выдачи ключа. Второй ключ у старшей сестры, она в отпуске с пятницы, ключ сдан в сейф охраны, Палыч подтверждает, конверт опечатан. Остаётся один ключ.

Михаил Петрович снимает очки.

— Соболевой.

— Соболевой.

— Может, Ларин? — говорю я. — Он временно руководит.

— Ларин с пятницы в Твери у тёщи, — отвечает Курбатов. — Ключ не брал. Я ему звонил. Он чуть не заплакал.

— Камеры?

— Камера над сейфом не работает с весны. Заявка висит. — Курбатов смотрит в пол. — Ты сам её не подписал, Максим. Сказал, бюджет.

Они оба смотрят на меня.

Красный шнурок. Боковой карман. «А что?» — «Ничего».

— Максим, — говорит Михаил Петрович тихо. — Звони жене. Пусть приедет. Сейчас. С ключом.

Я достаю телефон. Пальцы мокрые, экран не слушается. Набираю. Гудок. Второй.

— Не отвечает? — спрашивает Курбатов.

— Отвечает. Сейчас.

— Слушаю, — говорит Инна.

Я открываю рот. Ничего не выходит. В трубке её дыхание, ровное, утреннее. Где-то за ней свистит чайник Галины Фёдоровны.

— Макс? — говорит она. — Ты молчишь.

Я молчу.

Глава 8. Точка невозврата

POV: Роман

— Ключ, Инна Валерьевна.

Михаил Петрович протягивает ладонь через стол. Инна стоит у двери в пальто, волосы ещё мокрые после душа, в руке сумка.

Она расстёгивает боковой карман. Красный шнурок. Ключ на нём. Кладёт в ладонь Михаилу Петровичу.

— Где он был с пятницы?

— Здесь. В сумке.

— Сумка где была?

— Со мной.

— Всё время?

Она молчит секунду. Я вижу, как она считает.

— В субботу я дежурила консультантом. Сафронов дестабилизировался, я осталась на ночь. Спала в ординаторской. Сумка висела на стуле.

— Сколько часов?

— С двух до шести.

— То есть четыре часа сумка висела в ординаторской одна, — говорит Курбатов.

— В ординаторской, где спала я.

— Вы спали, — уточняет Курбатов. — Значит, одна.

Максим сидит справа от Михаила Петровича. Серый. Смотрит на её сумку. На красный шнурок. Отводит глаза.

Я стою у окна. Меня опять никто не звал. Меня опять никто не выгнал. Михаил Петрович давно махнул на меня рукой — как на погоду.

— Инна, — говорит Михаил Петрович, — полтора миллиона. Левосимендан. Он в Москве по аптекам не лежит. Его перепродают по клиникам из-под полы. Кто-то знал, что брать.

— Я знаю, что брать, — говорит Инна. — Я его заказывала.

— Вот именно.

— Михаил Петрович. Зачем мне красть препарат из своего сейфа? Своим ключом? Через три дня после подставы с моим логином?

— Не знаю, — честно говорит он. — Курбатов. Кабинет.

* * *

Её кабинет. Девять квадратных метров. Стол, шкаф, кушетка, фикус. На подоконнике чашка с отбитой ручкой и мой картонный стакан из автомата. Пустой.

Курбатов открывает ящики. Медленно, двумя пальцами, по одному. Инна стоит у стены. Руки в карманах пальто.

Первый ящик. Ручки, бланки, зарядка.

Второй. Истории болезни, стопка.

Третий.

Курбатов замирает.

— Миша.

Михаил Петрович наклоняется. Максим за его плечом.

Три пустых флакона. Стекло, жёлтые колпачки сорваны. Под ними смятая коробка с синей полосой. Левосимендан, двенадцать с половиной миллиграммов.

— Это не моё, — говорит Инна.

Голос у неё ровный. Ровнее моего пульса.

— В вашем столе, — говорит Курбатов.

— В моём столе. Кабинет не запирается с сентября. Замок сломан. Заявка у вас, Андрей Олегович.

— Это ничего не меняет.

— Это меняет всё.

Михаил Петрович выпрямляется. Смотрит на флаконы. Потом на Инну. Долго.

— Пропуск, — говорит он.

— Михаил Петрович…

— Пропуск, Инна. До окончания проверки ты в клинике не появляешься. Совсем. Консультации и обходы тоже. Ларин примет дела. Если к пятнице ничего не прояснится, я передаю материалы в страховую и в Минздрав. С приказом об увольнении.

Она достаёт из кармана пропуск на синей ленте. Кладёт на стол рядом с флаконами.

Максим смотрит на пропуск. У него дёргается уголок рта. Ямочка. Только сейчас она уходит вниз, а не вверх.

— Михаил Петрович, — говорю я.

— Не сейчас, Роман.

— Витя в здании. С восьми утра. Логи за прошлую неделю.

Михаил Петрович поворачивается.

— Где он?

— В серверной. Ждёт Курбатова. Как договаривались.

— Пошли.

Они выходят. Максим за ними, не глядя на жену. Инна остаётся у стола, рядом с флаконами и пропуском.

— Иди домой, — говорю я.

— Я посмотрю логи.

— Тебя туда не пустят. Ты теперь посторонняя.

Она смеётся. Коротко, сухо.

— Посторонняя. Двенадцать лет в этом кабинете.

— Инна. Я посмотрю. Я тебе позвоню через час.

— Позвони через сорок минут.

— Почему?

— Через час я начну думать. Через сорок минут ещё нет.

Она берёт со стола свою чашку с отбитой ручкой. Подумав, берёт и мой пустой картонный стакан. Кладёт его в сумку.

— Зачем? — спрашиваю я.

— На память, — говорит она. Больше ничего не объясняет.

Она уходит. Я смотрю на фикус на подоконнике. Его никто не поливал неделю. Земля в трещинах.

Я поливаю его из графина.

* * *

Витя сидит перед монитором загорелый, облезлый, в шортах под халатом. Курбатов у него за плечом. Михаил Петрович в дверях. Максим остался наверху — «у меня совещание по закупкам».

— Ну? — говорит Михаил Петрович.

— Нету, — говорит Витя.

— Чего нету?

— Журнала нету. За прошлую неделю, с понедельника по пятницу. — Витя тычет в экран. — Вот. Ротация. Удалено вручную в субботу, в два тринадцать ночи. Через общую администраторскую учётку. С компьютера в приёмной главного врача.

Тишина. Гудят вентиляторы.

— Кто знает пароль от общей учётки? — спрашивает Михаил Петрович.

Витя смотрит на меня. Потом на Михаила Петровича. Потом в пол.

— Трое. Я. Вы. И Максим Андреевич.

— В субботу в два ночи я был на даче, — говорит Михаил Петрович. — Ты был в Анапе.

— Я был в Анапе, — кивает Витя. — На шезлонге. У меня фото есть.

— А в приёмной главного врача кто был в два ночи?

— Камеры в приёмной нет, — тихо говорит Курбатов. — Максим Андреевич в прошлом году снял. Сказал, неэтично, посетители.

Михаил Петрович медленно поворачивается ко мне.

— Роман. У тебя фотографии логов.

— Четыре. С часами на экране.

— Фотографии, — повторяет он. — Ты знаешь, что скажет любой юрист Миланы? Фотошоп. Ты знаешь, что скажет Максим? «Заславский влюблён в мою жену и подделал картинки».

— Он так скажет.

— А ты влюблён?

Витя перестаёт дышать. Курбатов кашляет.

— Это к делу не относится, — говорю я.

— Всё относится, Роман. — Михаил Петрович трёт глаза. — Мне нужен оригинал. Живой. Не картинка. Не флешка из твоего кармана. Иначе я Соболеву не вытащу. Я сам себя не вытащу.

Он уходит. Курбатов за ним.

Витя смотрит на меня из-под облезлого лба.

— Роман Сергеевич. Тут ещё один сервер есть.

— Какой?

— Видео. Видеорегистратор. Он отдельно стоит, вон, в углу, серая коробка. Камеры коридоров, парковки, лестниц. — Он понижает голос. — И ординаторских. После кражи телефонов в прошлом году поставили. Скрытые. В датчиках дыма. Про них знают четыре человека. Я, Палыч, Курбатов и монтажник.

— Соболев знает?

— Соболев подписывал смету, не читая. Он всегда подписывает, не читая.

— Пароль?

Витя краснеет.

— admin. И шесть единиц.

— Витя.

— Ну не успел я поменять. Год не успевал.

* * *

Сорок минут. Я звоню из подвала, у лестницы, где ловит одна полоска.

— Ну? — говорит Инна.

— Журнала нет. Удалён в субботу в два ночи. С компьютера в приёмной Максима.

Пауза. Я слышу, как она дышит. Ровно, на счёт.

— Он, — говорит она.

— Учётка общая. Пароль знают трое.

— Он, Рома. В два ночи в субботу он был у неё. Её квартира на Пресне. До клиники восемь минут.

— Откуда ты знаешь, где её квартира?

— Он мне сам сказал. В пятницу. Когда объявил, что переезжает.

— Инна. Это всё косвенное.

— Я знаю. — Голос садится. — Я двадцать лет ставлю диагнозы по косвенным. Хирургу не нужен вскрытый труп, чтобы знать, где аппендикс.

— Мне нужен, — говорю я. — Михаилу Петровичу нужен. Страховой нужен.

— Что ты собираешься делать?

— Останусь вечером.

— Зачем?

— Поработаю.

— Рома. Не делай глупостей.

— Я не делаю глупостей, Инна. Я делаю анализы. Иди поспи.

— Ты тоже.

— Я сплю четыре часа. Мне хватает.

— Врёшь.

— Вру, — соглашаюсь я.

* * *

Я остаюсь после работы. Сижу в кабинете до одиннадцати. Пишу заключения. Их никто не ждёт. Пью кофе. Слушаю, как пустеет здание.

В одиннадцать сорок Палыч уходит на обход третьего этажа. Я спускаюсь в подвал. Ключ с синей биркой у меня в кармане с утра. Витя забыл попросить обратно. Витя вообще много чего забывает.

Серая коробка в углу гудит и мигает.

admin. Шесть единиц.

Интерфейс старый, кривой, на английском. Я нахожу ординаторскую кардиохирургии. Суббота. Ночь.

Перематываю.

02:04. Инна входит, снимает халат, вешает сумку на спинку стула. Ложится на диван лицом к стене. Накрывается пледом.

02:30. Спит. Ноги поджаты. Рука под щекой.

Я смотрю на её руку под щекой. Слишком долго. Потом перематываю дальше.

03:12. Дверь открывается.

Женщина. Тёмные волосы под шапочкой. Белый халат анестезиолога. Хирургическая маска на лице. Она идёт тихо, на цыпочках, в белых сабо.

Подходит к стулу. Наклоняется. Расстёгивает боковой карман сумки.

Красный шнурок. Ключ.

Она выпрямляется. На секунду поворачивает голову к камере, к датчику дыма над дверью, не зная, что он смотрит. Поправляет маску. Тёмная прядь падает на висок. Она убирает её за ухо. На пальце кольцо. Два кольца.

Уходит.

03:31. Возвращается. Кладёт ключ обратно в карман. Застёгивает. Стоит над спящей Инной три секунды. Наклоняет голову. Изучает.

Потом уходит.

Я сижу в холодном подвале и смотрю на застывший кадр: тёмная фигура над спящей женщиной.

Руки у меня не дрожат. Руки у меня каменные. Я давно знаю: так у меня выглядит злость.

Я вставляю флешку. Копирую файл. Потом ещё раз, на вторую. Потом отправляю себе на почту. Потом фотографирую экран.

На кадре 03:12 в маске и шапочке не видно лица. Видно кольца. Видно прядь. Видно, как она поправляет маску левой рукой. Милана Игоревна — левша. Это я заметил на Ковалёве, когда она левой набирала норадреналин в шприц.

Этого мало. Это много.

* * *

Сокол. Час ночи. Четвёртый этаж. Свет горит.

Я звоню в дверь.

Открывает Галина Фёдоровна. Халат, очки на лбу. Смотрит на меня снизу вверх. Долго.

— Вы Роман, — говорит она.

— Роман.

— «Лендкрузер» под фонарём. С сигаретой.

— Курю. Бросаю.

— Плохо бросаете. — Она отходит от двери. — Инна. К тебе диагност.

Инна выходит из кухни. Свитер, тренировочные штаны, волосы распущены. Распущенные я их не видел никогда. Светлые, до лопаток.

Я забываю, зачем пришёл. На полсекунды.

— Рома? Что случилось?

— У меня есть видео.

Она замирает.

— Какое видео?

— Суббота. Три двенадцать ночи. Ординаторская. Твоя сумка. Красный шнурок.

Галина Фёдоровна за моей спиной тихо закрывает дверь на цепочку.

— Кто? — спрашивает Инна.

— Ты знаешь кто.

— Её видно?

— Видно руки. Кольца. Прядь. Лица нет. Маска.

Инна закрывает глаза. Открывает.

— Этого мало.

— Знаю. — Я достаю из кармана флешку и кладу ей в ладонь. Её пальцы холодные. — Поэтому у меня есть план. Но тебе он не понравится.

— Говори.

— Завтра ты едешь в клинику. Пропуск не нужен. Через приёмное, Палыч пропустит. И тебе придётся надеть белый халат.

— Белый? Я хирург, Рома. Я ношу синий.

— Завтра ты носишь белый, — говорю я. — Как она.

Глава 9. Шантаж

— Как она?

Белый халат. Анестезиологический, с синей окантовкой по вороту. Мамин ноутбук на кухонном столе, клеёнка в клетку, три чашки. Кадр 03:12 застыл на экране. Тёмная фигура наклоняется над моей сумкой.

— Как она — что? — переспрашивает Роман.

— Как она ходит. Покажи ещё раз.

Он нажимает пробел. Фигура идёт к стулу. Мягко, с носка. Бёдра чуть вперёд.

— Ещё.

— Инна, ты смотрела шесть раз.

— Седьмой.

Мама ставит перед Романом тарелку с сырниками. Час ночи. Сырники вчерашние, разогретые.

— Ешьте. Вы с утра ничего не ели.

— Откуда вы знаете?

— У вас под глазами написано. — Мама садится. — Я терапевт. Сорок лет.

Роман смотрит на сырники. Берёт один рукой. Ест молча. Мама удовлетворённо кивает.

— Рома, — говорю я. — Я еду к Михаилу Петровичу. Утром. С этим.

— Нет.

— Почему?

— Потому что лица нет. — Он вытирает пальцы салфеткой. — Маска, шапочка. Кольца — у половины клиники кольца. Левша — Милана скажет: правой не дотягивалась, сумка неудобно висела.

— Она взяла мой ключ. Ночью. Пока я спала.

— Она скажет: ты сама попросила.

— Я спала, Рома.

— Ты проснулась, — говорит он ровно, голосом чужого адвоката. — В три ночи. Попросила её сходить в отделение за документами Сафронова, ключ от кабинета в сумке. Она взяла и принесла. Потом ты снова уснула и ничего не помнишь. Ты пять суток не спишь. У тебя стресс, развод, отстранение. Твой муж уже сказал Михаилу Петровичу, что ты нестабильна. Кто ей поверит? Все.

Я смотрю на экран. Тёмная фигура над спящей женщиной. Над мной.

— А сейф? Ключ от кабинета и ключ от сейфа на разных шнурках.

— На видео не разобрать, какой шнурок. Красный. В темноте любой красный.

— А флаконы в моём столе?

— Ты их туда положила. Месть. Психоз. — Он смотрит на меня. — Я тебе говорю, как скажет её юрист. Я в это не верю.

— Знаю.

— Видео доказывает одно: она была в ординаторской и брала ключ. Подлог в карте оно не доказывает. Логи стёрты. Мои фото — картинки. Её слово против твоего. Её слово плюс слово главного врача.

Мама подливает чай.

— Значит, нужна вторая картинка, — говорит она.

Роман поворачивает к ней голову.

— Галина Фёдоровна, вы мой план украли.

— Я его не крала. Я его на вашем лице прочитала. — Она отпивает чай. — Говорите уже. Инна извелась.

Роман кладёт ладони на клеёнку.

— Видеорегистратор. Пароль admin и шесть единиц. Про скрытые камеры знают четверо. Завтра я при Милане скажу Вите: проверь архив ординаторских за субботу. Громко. В коридоре. Она услышит.

— И пойдёт стирать.

— Пойдёт стирать. Ночью. Через общую учётку или прямо через регистратор. — Он кивает. — А Витя сегодня поставил в серверной ещё одну камеру. Простую, на флешку. Автономную. Про неё знаем Витя и я. Теперь ты.

— И мама.

— И Галина Фёдоровна.

— Я никому, — говорит мама. — Я уже сорок лет никому.

— А белый халат? — спрашиваю я.

— Ты будешь в клинике. Со мной. В моём кабинете, в диагностике. Тебя никто не должен узнать. Отстранённая заведующая в клинике — это повод тебя же и обвинить. Анестезиолог в маске — это мебель. Их сорок человек, они ходят по всем этажам, их никто не разглядывает.

— А если Палыч…

— Палыч знает. Палыч сказал: «За Соболеву я хоть в белом, хоть в розовом».

Я смеюсь. Мокро. Мама протягивает мне салфетку, не глядя.

— Рома. Почему ты это делаешь?

Он молчит. Смотрит на сырник.

— Я уже говорил, — отвечает он наконец. — Редкость надо беречь.

В два часа ночи я провожаю его до двери. Мама демонстративно гремит посудой на кухне.

— Халат, — говорит он и достаёт из пакета свёрток. — Сорок шестой. Я угадал?

— Сорок четвёртый.

— Значит, будет свободно. Тебе пойдёт.

— Белый мне не идёт. Я в нём бледная.

— Ты в любом бледная, Инна. Ты двенадцать лет не видела солнца.

— Видела. В Гаграх.

— Это не считается. — Он надевает куртку. В прихожей тесно, вешалка, зеркало, мамины сапоги. Он стоит слишком близко. От него пахнет сигаретами и сырниками. — Завтра в восемь у приёмного. Маску возьми свою, у тебя лицо слишком узнаваемое.

— Что в нём узнаваемого?

— Всё.

Он уходит. Я стою в прихожей с белым халатом в руках. Мама выглядывает из кухни.

— Сорок шестой, — говорит она. — Мужчина угадал размер на два больше. Это хорошо. Значит, он смотрел на тебя, но не разглядывал.

— Мам.

— Что мам? Я терапевт. Я наблюдаю.

* * *

Утром звонит Максим.

— Ин. Нам надо поговорить. Лично.

— Я отстранена. Пропуска нет.

— Я выписал тебе разовый. На одиннадцать. Палыч в курсе.

— О чём говорить?

— О будущем. — Пауза. — Твоём.

— У меня есть будущее?

— Пока есть. Приезжай, Ин. Пожалуйста.

— Почему пожалуйста?

— Потому что потом я уже просить не буду.

Гудки.

* * *

В приёмной Лида отводит глаза. На диване для посетителей сидит Милана. Нога на ногу, телефон в руке, на запястье тонкий браслет с бриллиантовой дорожкой. Новый.

— Инна Валерьевна, — она поднимает глаза. — Пришли попрощаться?

— Пришла поговорить.

— С Максимом? — Она улыбается. — Он сегодня неважно себя чувствует. Не расстраивайте его, ладно? Ему вредно.

— Что ему вредно?

— Вы, — говорит Милана ласково. — Вы ему вредны, Инна Валерьевна. Как сахар диабетику.

— Красивый браслет.

— Подарок. — Она поворачивает запястье к свету. — К УЗИ.

Лида кашляет в кулак и открывает мне дверь.

Кабинет главного врача. Я здесь была сотни раз. С отчётами, с жалобами, с кофе в девять вечера, когда он засиживался над сметами и я сидела рядом на подлокотнике. Сейчас я стою у двери.

— Садись, Ин.

— Постою.

— Все сегодня стоят, — улыбается он. Улыбка серая. — Михаил Петрович стоит, Курбатов стоит. Один я сижу. Колено.

Он трёт колено. Потом грудь, слева, под галстуком. Кривится.

— Что с тобой?

— Изжога. Мила кормит меня какими-то витаминами. От них изжога.

На столе баночка. Белая, этикетка содрана. Рядом спрей нитроглицерина.

— Нитроспрей тоже от изжоги?

— Это так. На всякий. — Он отодвигает баночку и спрей к краю стола. — Ин. Я не об этом.

— Говори.

Он складывает пальцы домиком. Жест Михаила Петровича. Он перенял его лет пять назад.

— Предложение. Простое. Ты пишешь заявление по собственному. Сегодня. Михаил Петрович его подпишет, он только рад будет. Проверку по сейфу закрываем. Недостачу спишем на пересортицу. Страховая ничего не узнает. Минздрав ничего не узнает.

— А Ковалёв?

— Ковалёв жив. Ковалёва выписываем в четверг. Карту поправим.

— Поправим, — повторяю я.

— Технически. Отменим назначение задним числом. Как техническую ошибку системы. — Он смотрит мне в глаза. — Ты уходишь чистой. С рекомендацией. Я сам позвоню в Бакулевский, там Арефьев меня должен. Тебя возьмут. Не заведующей, но возьмут.

— А квартира?

— Квартира твоя. — Он говорит быстро, заученно. — Я выпишусь. Ипотеку буду платить сам до конца. Дача тоже твоя. Машина. Половина счёта. Мне ничего не надо.

— Щедро.

— Я не хочу тебя топить, Ин.

— А Милана?

— Мила отзовёт заявление о клевете. Я с ней договорился.

— Договорился, — повторяю я. — А что Милана получает?

Он молчит.

— Отделение, — говорю я.

— Ларин будет заведующим. Формально.

— А фактически — она. Ординатор-анестезиолог, двадцать восемь лет, будет руководить кардиохирургией через спину Ларина.

— Ин, это уже не твоё дело.

— Это моё дело, Максим. Это двенадцать лет моего дела. Это сорок три человека, я их всех учила держать иглодержатель. Это Ковалёв с внучкой Варей. Это Гаврилова, Сафронов, все, кто лежит сейчас на третьем этаже. Это моё.

— Ты больше не можешь их защитить. — Голос твердеет. — Ты отстранена. У тебя пустые флаконы в столе. У тебя подпись под нитропруссидом. У тебя ничего нет, Инна. Ничего. Я тебе предлагаю выйти отсюда с достоинством. Другие бы не предлагали.

— Другие бы не подставляли.

Он вздрагивает. Снова трёт грудь.

— Я тебя не подставлял.

— Сброс пароля в двадцать один сорок два. Под твоим логином.

Тишина. Он медленно опускает руки на стол.

— Откуда ты…

— Неважно. И журнал в субботу в два тринадцать. Через общую учётку. Из твоей приёмной. Пока я спала в ординаторской на диване.

Лицо у него сереет. От лба к подбородку. Второй раз в жизни я это вижу.

— Это ничего не доказывает, — говорит он тихо.

— Пока.

— Ин. — Он встаёт. Опирается о стол. — Я прошу тебя. Как человека. Как мужа, пятнадцать лет. Подпиши заявление. Уйди тихо. Это лучшее, что я могу для тебя сделать.

— Нет.

— Подумай.

— Я подумала. Ночью. Под сырники. — Я смотрю на него. — Нет, Максим. Я остаюсь. Я буду драться. До пятницы, до Минздрава, до суда, если надо.

Он смотрит на меня долго. Потом садится. Тяжело. Достаёт из баночки две белые таблетки, кидает в рот, запивает водой из графина. Морщится.

— Хорошо, — говорит он ровно. Почти ласково. — Ты сама напросилась, Ин.

— Я слушаю.

— Завтра на твоём столе будет ещё кое-что. Не флаконы. Хуже. — Он поправляет запонку. Серая, левая. — Завтра я уничтожу тебя как врача. Ты будешь никем. Тебя не возьмут даже фельдшером на скорую в Кашире.

— Ты не сможешь.

— Я главный врач, Инна. Я смогу всё.

Он трёт грудь. Слева, под галстуком, медленными кругами. На лбу выступает пот.

Я смотрю на его пальцы. На то, как они ходят по кругу. На белую баночку с содранной этикеткой.

Я пятнадцать лет вижу, как пациенты трут грудь. Ровно так. Ровно в этом месте.

— Макс, — говорю я. — Сколько дней ты пьёшь эти витамины?

— Не твоё дело.

Он нажимает кнопку селектора.

— Лида. Проводите Инну Валерьевну до выхода. Она уходит.

Глава 10. Инфаркт

— Доктор, вы к кому?

Палыч смотрит на меня из-за стекла поста. Я стою в белом халате, маска на лице, шапочка до бровей. Халат сорок шестого размера висит на плечах мешком.

— В диагностику. К Заславскому.

— Фамилия?

— Палыч.

— Порядок, доктор. Фамилия.

— Соболева.

Он перестаёт жевать.

— Не слышу, — говорит он громко. — Доктор Сабурова? Из анестезиологии? Проходите, проходите. — И тише, в окошко: — Инна Валерьевна, халат подверните. Рукава до пальцев. Анестезиологи так не ходят, они модницы.

Я подворачиваю.

— И походку смените, — добавляет он. — Вы ходите, как в операционную. Анестезиологи ходят, как в буфет.

* * *

Кабинет Романа. Четыре монитора, два кресла, кушетка с продавленной серединой, кофемашина на тумбочке. На стене календарь за прошлый год. Пахнет кофе и табаком из открытой форточки.

— Садись в моё, — говорит он. — Отсюда дверь видно, тебя — нет.

— Где Витя?

— Через пять минут в коридоре. Она в это время идёт с планёрки в анестезиологию. Каждый день. В девять двадцать.

— Ты за ней следишь.

— Я замечаю.

Он выходит. Дверь оставляет приоткрытой на ладонь.

Голоса в коридоре. Шаги, каблуки сабо. Её шаги. Я их уже узнаю.

— Витя, — голос Романа, громкий, ленивый. — Ты архив ординаторских с датчиков вытащил?

— Роман Сергеевич, тише. Это же секретно.

— Какие секреты. Михаил Петрович просил. Суббота, ночь, ординаторская кардиохирургии. Сегодня к вечеру выгрузи. Завтра с утра комиссия смотрит.

— Да там регистратор древний, он полдня копировать будет.

— Значит, начинай сейчас.

Каблуки сабо замедляются. Останавливаются. Две секунды. Идут дальше. Быстрее.

Роман заходит. Закрывает дверь.

— Услышала, — говорю я.

— Услышала. — Он садится на кушетку. Пружины стонут. — Теперь ждём ночь.

— А если она не придёт?

— Придёт.

— Откуда ты знаешь?

— Она остановилась на две секунды. Люди останавливаются на две секунды, когда слышат свой диагноз. Я это вижу каждый день. Потом они идут быстрее. Делать вид, что не слышали.

— А потом?

— А потом приходят ночью перечитать заключение. Одни. Когда никто не видит.

— Ты страшный человек, Роман Сергеевич.

— Я диагност, — говорит он. — Это хуже.

— А до ночи?

— До ночи ты сидишь здесь и не высовываешься. Работаешь.

— С чем?

Он кладёт на стол стопку распечаток.

— Медосмотр руководства. Август. Курбатов дал, «почитать». Ты вчера спрашивала про витамины.

* * *

Электрокардиограмма Соболева М.А. Август. Синусовый ритм, семьдесят два. Сегмент ровный. Зубцы чистые.

Холестерин пять и один. Сахар в норме. Тропонин отрицательный. Давление сто тридцать на восемьдесят.

Нормальное сердце сорокачетырёхлетнего мужчины. Колено хуже сердца.

— Он здоров, — говорю я. — Был здоров.

— Был.

— Рома, вчера он тёр грудь. Слева. Кругами. Пот на лбу. Нитроспрей на столе.

— За два месяца так не съезжают. Нужна причина.

— У него есть причина. Белая баночка. Этикетка содрана.

Роман смотрит на меня.

— Что ты думаешь?

— Я думаю, мне надо в его кабинет. За баночкой.

— Нет.

— Рома.

— Ты отстранена, ты в чужом халате, у тебя маска на лице. Если тебя поймают в кабинете главного врача — это уже не подстава. Это проникновение. Тебя закопают на месте.

— Тогда сходи ты.

— Схожу. Вечером. Когда он уедет.

В полдень Роман возвращается из столовой с двумя пирожками в салфетке. Кладёт один передо мной. Садится напротив. Молчит.

— Говори, — прошу я.

— Лида сказала. По секрету, на кассе.

— Что?

— Утром Максим отправил письмо. Арефьеву в Бакулевский. И ещё в три клиники. Копия в профессиональное общество.

— Что в письме?

— «Конфиденциально. В связи с проводимой проверкой по факту хищения препаратов и врачебной ошибки не рекомендуем рассматривать кандидатуру Соболевой И.В. Имеются основания полагать нестабильность психоэмоционального состояния». — Он говорит ровно, по памяти. — Лида печатала. Плакала, говорит.

Я смотрю на пирожок. С капустой. Тесто блестит.

— Он обещал, — говорю я. — Вчера. «Завтра ты будешь никем».

— Он держит слово. Редкое качество.

— Рома, это не смешно.

— Я не смеюсь. — Он двигает пирожок ко мне ближе. — Ешь. Тебя хоронят — а ты голодная. Это нерационально.

— А Милана где?

— В десять заходила к нему в кабинет со стаканом сока. Апельсинового. Лида видела. Вышла с пустым.

Я откусываю пирожок. Он холодный.

* * *

К трём часам у меня рябит в глазах. Сорок старых анестезиологических карт. Пролистываю, откладываю. Ищу подписи Миланы, ищу почерк, ищу завитки на шестёрках. Нахожу. Ничего не доказывают.

Я встаю налить воды. Пол уходит вбок.

Медленно. Плавно. Стена поворачивается ко мне углом.

— Инна.

Руки Романа на плечах. Он сажает меня на кушетку. Продавленная середина, пружины. Пальцы на моём запястье.

— Сто двадцать, — говорит он. — Слабенький. Ела сегодня?

— Сырник.

— Когда?

— Вчера ночью.

Он молча открывает нижний ящик стола. Бутылка. Коньяк, армянский, наполовину пустой. Два пластиковых стаканчика для анализов.

— Стерильные, — говорит он. — Не смотри так.

— Рома, я на работе.

— Ты не на работе. Ты отстранена. Пей.

Я пью. Обжигает горло. Он наливает второй. Себе.

— Ты на работе.

— Я в обеденный перерыв, — говорит он. — У меня его двенадцать лет не было. Накопился.

Мы сидим на кушетке плечом к плечу. Пружина впивается мне в бедро. Его колено касается моего. Он не отодвигается. Я тоже.

— Сними маску, — говорит он.

— Зачем?

— Ты в ней не дышишь. Я слышу.

Я стягиваю маску на подбородок. Он смотрит на моё лицо. Долго, в упор. Я двенадцать лет вижу этот взгляд. Над датчиком, над экраном эхокардиографа. Так он смотрит на сердце, когда ищет пропущенное всеми.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Ты смотришь.

— Я замечаю. — Он отводит глаза. Ставит стаканчик на пол. — У тебя ресницы светлые. Ненакрашенные, их почти не видно. Я двенадцать лет думал, у тебя их нет.

— Есть.

— Вижу теперь.

Тишина. Тикает кофемашина, остывая. Из коридора голоса, каталка, звонок лифта.

— Рома.

— Не надо, Инна.

— Я ничего не сказала.

— Ты собиралась. — Он смотрит на свои руки. Большие, тяжёлые, с рыжими волосками на пальцах. — Ты сейчас в шоке. Отстранена. Муж ушёл. Тебя хоронят. Я единственный, кто рядом. Это не чувства, это реанимация. Я не хочу быть твоим аппаратом ИВЛ.

— А кем ты хочешь быть?

Он поворачивает голову.

Динамик под потолком щёлкает. Женский голос. Ровный, громкий, на весь этаж.

— Код красный. Операционная номер два. Код красный. Операционная номер два. Кардиохирургическую бригаду в операционную номер два.

Мы смотрим друг на друга.

— Вторая, — говорю я. — Там Ларин. Сафронов, митральный клапан.

— Сафронову рано, — Роман уже на ногах. — Он на машине должен быть ещё час.

Телефон у него в кармане. Звонит. Он смотрит на экран, лицо меняется.

— Да, Паша.

Голос Ларина из трубки, высокий, срывающийся. Слышно через комнату.

— Роман Сергеевич, ангиограф. Ангиограф срочно. Соболев упал. Прямо у стола. Он зашёл посмотреть, стоял на галерее, потом спустился, я Сафронова шью, он… он побелел, схватился за грудь. ЭКГ — элевация по всем передним, по всем. Сознания нет. Давление шестьдесят. Я не могу отойти, у меня Сафронов на машине.

Роман смотрит на меня.

— Везите в рентгеноперационную, — говорит он в трубку. — Я там через две минуты.

* * *

Рентгеноперационная. Свинцовые фартуки, мониторы, холодный стол. Максим на столе. Голый по пояс, электроды на груди. Лицо серое, губы синие. Глаза полуоткрыты, белки видны.

Мой муж.

Я стою у стены в белом халате, маска снова на лице. Никто на меня не смотрит. Анестезиолог из второй — Карпов, пожилой, лысый — интубирует. Гусев качает мешок. Сестра ставит катетер в бедро.

Роман у пульта. Контраст идёт. На экране дерево сосудов. Серое, ветвистое.

Ствол левой коронарной артерии.

Обрубок.

— Ствол, — говорит Роман. Голос ровный. — Окклюзия ствола. Плюс правая — девяносто процентов. Плюс огибающая.

— Стент? — спрашивает Гусев.

— В ствол при таком дереве — нет. Не пройду. Нужно шунтировать. Сейчас.

— Кто? Ларин на Сафронове. Лёша и Тимур — ординаторы.

— Вызывайте Михаила Петровича. Звоните Бакулевскому.

— Сорок минут минимум, — говорит Карпов. — Он не проживёт сорок минут.

Монитор взвывает.

Зелёная линия ломается. Пилой. Мелкой, хаотичной.

— Фибрилляция.

— Разряд. Двести.

Тело на столе дёргается. Линия прыгает. Пила.

— Триста.

Дёргается. Пила. Прямая.

— Асистолия.

Гусев начинает массаж. Руки на грудине, раз-два-три-четыре. Пот капает с его лба на грудь Максима.

— Адреналин.

— Ввожу.

— Где Милана Игоревна? — спрашивает кто-то от двери. — Она же его… Её позвать?

— Не звать, — говорит Роман, не отрывая глаз от экрана. — Никого не звать. Двери закрыть.

Сестра закрывает двери.

— Дай Ларина. Пусть Сафронова ординаторы закрывают. Пусть бежит сюда.

— Он не успеет, — говорит Роман. Тихо. Мне.

Я снимаю маску. Шапочку. Волосы падают на плечи.

Карпов поднимает голову. Гусев сбивается со счёта на секунду и снова качает. Сестра роняет шприц.

— Инна Валерьевна, — шепчет она.

Я иду к раковине. Открываю воду. Щётка. От кончиков пальцев к локтям.

Мои руки. Я смотрю на них под струёй. Они не дрожат.

— Инна, ты отстранена, — говорит Роман у меня за спиной. Голос тихий. Он не останавливает. Он предупреждает.

— Знаю.

— Михаил Петрович тебя уволит. После.

— Пусть увольняет после.

Я поворачиваюсь к сестре.

— Перчатки. Семь с половиной. Халат синий. Готовьте вторую операционную, как только Ларин закроет Сафронова. Перфузиолога туда. Аппарат.

Сестра смотрит на Гусева. Гусев качает и смотрит на меня.

— Инна Валерьевна, это ваш муж, — говорит Карпов. — Нельзя оперировать родственников. Правило.

— Он мне больше не муж. Он мне в пятницу сказал.

— Инна Валерьевна, если он умрёт у вас на столе…

— Он умрёт у меня на столе или здесь на полу, Сергей Ильич. Выбирайте.

Сестра держит перчатки. Руки у неё трясутся.

Я забираю перчатки сама.

— Пропустите меня, — говорю я. — Я его оперирую.

Глава 11. Скальпель и слёзы

— Михаил Петрович на линии, — Гусев держит телефон у моего уха. Мои руки в перчатках подняты, ладонями к себе.

— Инна, — голос хриплый, в трубке ветер, сигналят машины. — Я на Ленинском. Двадцать минут. Ты что делаешь?

— Мою руки.

— Ты отстранена.

— Знаю.

— Он твой муж. Будет комиссия. Тебя распнут за это. Меня распнут.

— Михаил Петрович. У него ствол. Асистолия на четвёртой минуте. Ларин на Сафронове. Вы будете через двадцать. Он умрёт через десять.

Ветер в трубке. Гудок чужой машины.

— Оперируй, — говорит он. — Под мою ответственность. Карпов, ты слышишь? Под мою.

— Слышу, — говорит Карпов.

Гусев убирает телефон.

* * *

Вторая операционная. Свет на столе. Ларин закрывал Сафронова одиннадцать минут, ординаторы зашили кожу. Сафронова увезли. Стол перестелили за четыре минуты. Это рекорд.

Максим на столе. Грудь в йоде, жёлтая. Трубка во рту. Гусев качал его до последней секунды, пока перекладывали. Сейчас — Лёша. Двадцать шесть лет, руки красные, лицо мокрое.

— Не останавливайся, Лёша.

— Я не останавливаюсь, Инна Валерьевна.

— Пила. Зоя, пилу.

Зоя здесь. Я не видела, откуда она взялась. В маске, в шапочке, со своими ловкими пальцами. Подаёт пилу молча.

Грудина. Ретрактор. Перикард.

Сердце лежит в ладони. Неподвижное. Синее, вялое, большое. Я знаю это сердце. Я пятнадцать лет слушала его ухом по ночам.

— Массаж открытый. Лёша, руки убери.

Я беру сердце. Сжимаю. Ритмично. Раз, два, три. Пальцы помнят. Кровь уходит в аорту.

— Перфузия?

— Готовы, Инна Валерьевна.

— Канюлирую.

Аорта. Предсердие. Швы-кисеты. Канюли. Трубки к машине.

— Пускай.

Машина гудит. Кровь идёт по кругу. Сердце в моей руке становится легче.

— На машине, — говорит перфузиолог.

Я выдыхаю. Только сейчас.

— Роман Сергеевич. Что на эхо?

Роман у головного конца. Датчик в пищеводе. Он не снял свинцовый фартук после ангиографии. Пот течёт по шее за ворот.

— Передняя стенка не работает. Боковая — гипокинез. Клапаны целы.

— Значит, три шунта. Зоя, маммарную.

— Держите.

Левая внутренняя грудная артерия. Я выделяю её от рёбер, осторожно, двумя пальцами. Тонкая, живая, бьётся.

— Вену с ноги, — говорю я. — Тимур, ты. Аккуратно. Ветки клипируй.

— Понял.

Я поднимаю голову.

Галерея. Стекло. За стеклом стоит Милана.

Ладони прижаты к стеклу. Лицо мокрое, тушь течёт полосами. Рот открыт. Губы шевелятся. Звука нет, стекло толстое. Курбатов держит её за плечи. Она отталкивает его, снова прижимается к стеклу.

Ровно там стоял Максим двенадцать дней назад. Наклон головы, руки в карманах. Смотрел, как я шью Ковалёва. Ушёл на сороковой минуте.

— Инна, — тихо говорит Роман. — Монитор внизу.

Я опускаю глаза.

— Пролен семь ноль.

— Инна Валерьевна, — шепчет Зоя, подавая иглодержатель. — Она стучит.

— Пусть стучит.

— Она плачет.

— Пусть плачет. Ей есть о чём.

— Курбатов её уводит.

— Зоя. Пинцет.

— Держите.

Я больше не смотрю на стекло.

* * *

Первый шунт. Маммарная на переднюю нисходящую. Анастомоз — два миллиметра. Шестнадцать стежков. Я считаю.

— Кровит?

— Сухо, — говорит Роман.

Второй. Вена на огибающую. Двенадцать стежков.

Третий. Вена на правую.

— Карпов, — говорю я, не поднимая глаз. — Возьмите кровь. Полную биохимию. И отдельно: ТТГ, свободный Т4, Т3. И токсикологию. Широкую.

— Зачем щитовидка? — спрашивает Карпов. — У него инфаркт.

— У него в августе была идеальная кардиограмма. Холестерин пять. Он месяц потеет, трёт грудь и пьёт витамины из банки с содранной этикеткой.

Пауза.

— Беру, — говорит Карпов. — Гусев, пробирки.

— Пометьте срочно, — говорю я. — И под вашей фамилией. Под моей — не надо.

— Понял.

Роман смотрит на меня через стол. Молча кивает.

* * *

— Снимаю зажим.

Тишина. Кровь входит в коронары. Сердце розовеет. Медленно, пятнами. Передняя стенка. Боковая.

— Фибрилляция, — говорит Карпов.

— Разряд. Двадцать джоулей. Внутренние.

Ложки на сердце. Щелчок.

Сердце вздрагивает. Замирает.

Секунда. Вторая.

Третья.

Сокращение. Ещё одно. Ещё.

— Синус, — говорит Карпов. — Девяносто. Синус, Инна Валерьевна.

Зоя за моим плечом всхлипывает в маску. Коротко. Лёша отворачивается к стене.

— Отходим от машины.

— Отходим.

— Роман Сергеевич?

— Передняя стенка сокращается, — голос у него низкий, чуть хриплый. — Шунты работают. Все три. Красиво, Инна.

— Я всегда красиво шью.

— Поэтому и говорю. Я редко говорю.

Я поднимаю голову к стеклу.

Галерея пустая.

* * *

Михаил Петрович стоит в предоперационной у раковины. Пальто на плечах, шарф, ботинки в уличной грязи. Пришёл, когда я шила грудину. Стоял, смотрел. Ни слова.

— Как? — спрашивает он.

— Три шунта. Синус. Отошли от машины с минимальной поддержкой.

Он кивает. Снимает очки. Протирает шарфом.

— Ты понимаешь, что сейчас сделала?

— Понимаю.

— Ни черта ты не понимаешь, Соболева. — Голос у него садится. — Я сорок лет в медицине. Я видел, как жёны уходят из реанимации, когда мужья умирают. Я видел, как жёны не приходят. Я не видел ни разу, чтобы жена, отстранённая этим мужем, шила ему ствол.

— Он пациент.

— Он пациент, — повторяет Михаил Петрович. — Хорошо. Завтра поговорим.

Он уходит.

Я стягиваю перчатки. Маску. Стою у раковины. Включаю воду.

Руки. Красные до локтей. Ровные. Ни одного сбоя за пять часов.

Я выключаю воду и делаю шаг к двери.

Пол уходит.

Плавно, как утром. Стена поворачивается углом. Потолочная лампа плывёт вправо.

Меня ловят. Две руки под лопатки. Тяжёлые. Пахнут латексом, кофе и табаком.

— Держу, — говорит Роман.

— Я сама.

— Сама ты потом. — Он не отпускает. — Сейчас я.

Я стою, уткнувшись лбом ему в грудь. В свинцовый фартук. Холодный, тяжёлый. Сердце у него под фартуком частит. Сто десять. Я считаю.

— Рома.

— Что?

— У тебя тахикардия.

— Я знаю, — говорит он мне в макушку. — Это не лечится.

Он сажает меня на табурет у стены. Приседает передо мной на корточки. Свинцовый фартук упирается в колени.

— Банки нет, — говорит он тихо.

— Какой банки?

— Белой. Я зашёл к нему в кабинет в десять вечера, пока все были здесь. Лида дала ключ, не спросила зачем. Стол чистый. Банка исчезла. Спрей тоже. Ящики пустые. Корзина пустая. Даже пакет из корзины вынут.

— Кто?

— Палыч говорит, в восемь вечера Милана Игоревна поднималась в приёмную. С большой сумкой. Сказала — забрать вещи Максима Андреевича в больницу. Бритву, зарядку.

— Из кабинета на шестом этаже. В больницу на третьем.

— Ага. — Он смотрит на меня снизу вверх. — Пока ты держала его сердце в руке, она чистила стол.

— А серверная?

— Сегодня ночью проверю. Она здесь до утра, у его бокса. Если пойдёт — пойдёт отсюда. Две минуты на лифте.

— Рома. Ты не спал двое суток.

— Я сплю четыре часа.

— Ты врёшь.

— Вру, — соглашается он и встаёт. Колени хрустят. — Иди в мой кабинет. Ложись на кушетку. Пружина посередине — обойди слева.

* * *

Утро. Восемь десять. Реанимация, бокс номер четыре. Соседний бокс — Ковалёв. Ковалёва выписывают в четверг. Ковалёв лежит через стену от моего мужа.

Гусев снял трубку час назад. Максим дышит сам. Кислородная маска, катетеры, дренажи. Лицо серо-жёлтое, щетина, губы потрескались.

Он открывает глаза. Видит меня. Смотрит долго. Глаза мутные, потом проясняются.

— Ин, — шёпот. Голос сорванный трубкой.

— Не разговаривай.

— Ты… меня…

— Я тебя прооперировала. Три шунта.

— Ты… отстранена.

— Михаил Петрович разрешил.

— Он… разрешил? — Губы кривятся. Это должна быть улыбка. — Ты всегда… добиваешься.

— Молчи, Макс. Тебе нельзя напрягаться.

— Мне… теперь всё нельзя.

Он закрывает глаза. По щеке ползёт слеза. В щетину.

— Спасибо, — говорит он.

— Пожалуйста.

Я поправляю ему подушку. Проверяю дренаж. Сорок миллилитров за ночь. Хорошо.

Он открывает глаза снова.

— Ин.

— Да.

— Где Мила? — Он шевелит пальцами на одеяле. — Позови Милу. Пожалуйста.

Я стою над ним с картой в руках.

— Позову.

Я выхожу из бокса.

Милана сидит в коридоре на банкетке. На ней Ковалёва роняла мандарин. Нога на ногу. Телефон у уха. Макияж свежий, губы вишнёвые. Ночью она плакала. Утром — пудра, тон, тушь.

— Да, мам, — говорит она в телефон, не замечая меня. — Живой. Нет. Да не знаю я, может, инвалид теперь. Ну на него же квартира, ты чего. Нет, не расписались ещё. Потом. Всё, мам, не начинай.

Она поднимает глаза. Видит меня. Убирает телефон.

— Инна Валерьевна. Как он?

— Зовёт вас.

— Сейчас, — говорит она. Не встаёт. — Я тут… документы жду.

— Какие документы?

— Его. — Улыбка. — Я теперь за него отвечаю.

— Вы ему кто, Милана Игоревна? Юридически.

— Невеста.

— Невеста в реанимации не родственник. Информацию о его состоянии вы получаете от него самого. Если он захочет.

— Он захочет, — говорит она ласково. — Он всегда хочет то, что я скажу. Вы же видели. В пятницу. На планёрке. Через трибуну.

— Видела, — говорю я. — Колено у него после мениска. Прыгать ему было нельзя.

Она достаёт пудреницу. Смотрится в зеркальце. Поправляет помаду пальцем.

В бокс она не идёт.

* * *

В ординаторской реанимации звонит телефон Гусева. Он слушает, кивает. Протягивает трубку мне.

— Лаборатория. Вас.

— Соболева.

— Инна Валерьевна, это Нелли из биохимии. Пробирки Карпова. Ночные. Вы просили позвонить лично.

— Слушаю.

— Тропонин понятно, огромный. Липиды в норме. Но… — Пауза. Шорох бумаги. — Свободный Т4 — за пределами шкалы анализатора. Я переделала дважды. ТТГ ноль. Ноль, Инна Валерьевна.

— Щитовидку он лечил?

— В карте пусто. — Голос понижается. — Инна Валерьевна. Так бывает, когда человек пьёт тироксин горстями. Месяц. Два. Сердце не выдерживает.

Я смотрю через стекло ординаторской в коридор.

Милана сидит на банкетке. Пудреница щёлкает, закрываясь.

— Нелли, — говорю я. — Распечатайте результат. Два экземпляра. Один в карту. Второй — никому, кроме меня и Заславского.

— Поняла.

— И ещё, Нелли. Кто-нибудь кроме вас уже спрашивал этот анализ?

Тишина в трубке. Долгая.

— Спрашивали, — говорит Нелли. — В шесть утра. Милана Игоревна. Сказала: «Я его невеста. Можно, я сама заберу?».

Глава 12. Падение кумира

POV: Роман

— Отдали?

Нелли поднимает голову от анализатора. Сорок лет, рыжая, очки на лбу. В лаборатории пахнет спиртом и реактивами.

— Роман Сергеевич. Не отдала. — Она снимает очки. — Сказала: результаты выдаются лечащему врачу. Она постояла, улыбнулась и ушла. Улыбка мне не понравилась.

— Мне её улыбки двенадцать дней не нравятся.

— Второй экземпляр у меня в сейфе. Инна Валерьевна велела.

— Пусть лежит.

Я не ухожу. Нелли смотрит на меня, ждёт.

— Нелли. В лабораторной системе можно найти анализ по коду пробирки?

— Можно. Если знать код.

— А если не знать?

— Тогда по фамилии. — Она прищуривается. — Чья фамилия?

— Никакая. Анонимные. ХГЧ. За последние две недели.

Нелли молчит. Потом встаёт, закрывает дверь лаборатории на защёлку. Садится обратно.

— Вы не имеете права, Роман Сергеевич. И я не имею.

— Я знаю.

— Это из-за Соболевой?

— Из-за неё.

Она поворачивается к монитору. Щёлкает.

— Анонимно у нас сдают трое-четверо в неделю. Санитарки, сёстры. Бесплатно, для своих. Код пишут сами на пробирке. — Пауза. Щелчки. — Вот. Прошлая среда. Код «МИ-0611». Почерк на пробирке я помню, круглый, с завитками. Я ещё подумала, кто так пишет. Как в школе.

— Результат?

Нелли поворачивает ко мне монитор.

ХГЧ общий: 1,2 мЕд/мл.

— Это меньше пяти, — говорит Нелли. — Не беременна. Совсем. Ни на день.

— Среда, — говорю я. — А в пятницу на планёрке у неё в сумке тест с двумя полосками.

— Тесты бывают просроченные. Бывают бракованные. — Нелли снимает очки. — А бывают в интернете. С двумя полосками заранее. Для розыгрышей. Двести рублей пачка. Моя дочь мужу на первое апреля такой подарила. Он чуть в обморок не упал.

— Распечатайте.

— Роман Сергеевич…

— Распечатайте, Нелли. Два экземпляра.

— Нелли, вы никому не скажете?

— Роман Сергеевич. Я двадцать лет в лаборатории. Я знаю, у кого в клинике сахар, у кого сифилис, у кого чужой ребёнок. Я никому ничего не говорю. Поэтому меня ещё не уволили.

Принтер жужжит. Тёплый лист. Я складываю его вчетверо и кладу во внутренний карман, рядом с флешкой.

* * *

Реанимация. Бокс номер четыре. Стекло.

Я стою в коридоре с картой Сафронова. Делаю вид, что читаю.

Внутри Соболев. Полусидит, подушки за спиной. Серый, небритый. Кислородные канюли в носу. Рядом на табурете Милана. В белом халате поверх платья, волосы распущены. В руке ложка. Она кормит его йогуртом.

— Ещё ложечку, котик.

— Мила, я сам.

— Ты сам не можешь. У тебя грудина. Открывай.

Он открывает. Как ребёнок.

У двери бокса стоит Инна. В синем хирургическом костюме — Михаил Петрович утром вернул ей пропуск. Временно. «До решения комиссии, по особым обстоятельствам». Карта в руках. Она пришла на обход.

— Максим Андреевич, дренажи посмотрю.

— Инна, — он не смотрит на неё. Смотрит на ложку. — Ларин посмотрит.

— Ларин в операционной.

— Значит, Гусев.

— Я ваш оперирующий хирург.

— Ты моя бывшая жена, — говорит он тихо. — Я не хочу. Пожалуйста. Мне тяжело.

Милана облизывает ложку. Медленно. Смотрит на Инну.

— Инна Валерьевна, вы слышали. Максиму Андреевичу нельзя волноваться. Мы с ним тут сами.

— Дренаж, — говорит Инна ровно. — Сорок миллилитров за ночь. Если за день больше двухсот, зовите. Гусев знает.

— Мы позовём, — улыбается Милана. — Обязательно. Правда, котик?

— Правда, — говорит Соболев.

— Видите? — Милана наклоняется, вытирает ему губы салфеткой. — Мы сами справляемся. Вы своё сделали, Инна Валерьевна. Спасибо. Дальше — семья.

Соболев кивает.

Инна поворачивается и выходит. Проходит мимо меня. Не останавливается. На ходу говорит, глядя вперёд:

— Мой кабинет. Десять минут.

Я жду три. Иду следом.

* * *

Её кабинет. Фикус на подоконнике, я поливал его в понедельник. Земля ещё влажная. Она стоит у окна спиной ко мне.

Я кладу на стол лист. Разворачиваю.

Она оборачивается. Смотрит. Читает. Ещё раз.

— МИ-0611, — говорит она.

— Милана Игоревна. Шестое ноября — её день рождения. Лида сказала.

— Прошлая среда.

— За два дня до обморока.

— Один и две десятых. — Инна кладёт лист на стол. Пальцы ровные. — Её нет. Ребёнка нет.

— Нет.

Она садится. Долго смотрит на фикус.

— Андрей, — говорит она.

— Что?

— Она ему имя придумала. Андрей Максимович. В честь отца. Он мне в пятницу сам сказал, пока чемодан закрывал. Он верил. Он и сейчас верит.

— Инна. Надо к Михаилу Петровичу. Сейчас. С этим и с Т4. Тироксин плюс фальшивая беременность. Её снимут сегодня.

— Нет.

— Почему?

— Тироксин она свалит на него самого. «Он худел. Он сам пил, я не знала». Банки нет. Свидетелей нет. А беременность… — Она поднимает на меня глаза. — Рома, если сейчас вскрыть беременность, он узнает её в реанимации. На третьи сутки после трёх шунтов. С его давлением.

— Он тебя продал.

— Он мой пациент. Я его шила. — Голос садится на полтона. — Я не хочу его убивать новостью. Пусть доживёт до перевода в палату. Пусть встанет.

— А Милана?

— А Милана пусть думает, что выигрывает. — Инна убирает лист в ящик. В третий. Там Курбатов нашёл флаконы. Потом передумывает и кладёт в карман. — Она торопится, Рома. Торопливые ошибаются.

— Она уже ошиблась. Трижды.

— Значит, ошибётся в четвёртый. При свидетелях.

— А если в четвёртый раз она ошибётся на тебе?

— В каком смысле?

— Тироксин в сок. Флаконы в стол. Пароль на стикер. — Я загибаю пальцы. — Она не останавливается, Инна. Она каждый раз берёт выше. Следующий шаг — ты.

— Ты боишься за меня?

Я молчу.

— Рома.

— Боюсь, — говорю я. Голос выходит хриплый, чужой. — Я сорок семь лет ничего не боялся. МРТ с пациентом в коме, Михаил Петрович, налоговая — всё мимо. А тут я ночью сижу в машине под фонарём на Соколе и боюсь. Это ненаучно. Я не умею это лечить.

Она встаёт. Подходит. Стоит близко. Я сижу на краю её стола, она стоит передо мной, и наши глаза на одном уровне. Мне кажется, я слышу, как у неё стучит сердце. Мне кажется.

— Не надо лечить, — говорит она тихо.

Она поднимает руку. Касается моей бороды. Двумя пальцами. Пинцетом. Убирает с неё нитку от халата.

— Нитка, — говорит она.

— Спасибо.

Она отходит к окну. Я выдыхаю. Только сейчас.

Я смотрю на неё. На серые глаза. На светлые ресницы.

— Ты страшная женщина, Соболева.

— Я хирург, — говорит она. — Это хуже.

* * *

Ночь. Серверная. Плюс шестнадцать.

Витина автономная камера спрятана за стойкой, в коробке от кабеля. Красный огонёк записи. Я вынимаю флешку. Вставляю в ноутбук.

Перематываю.

Восемь вечера. Девять. Пусто. Мигают лампочки.

02:47. Дверь открывается.

Свет из коридора. Женщина. Лицо открыто. Волосы распущены. Белый халат поверх платья. Связка ключей в руке — большая, тяжёлая, с брелоком «Медикус». Ключи главного врача.

Она идёт к серой коробке видеорегистратора. Включает экран. Набирает пароль. Смотрит в монитор.

На секунду поворачивает лицо к свету. Полностью. Тёмные глаза, вишнёвые губы. Устала, тени под глазами. Уверенная.

Она находит архив. Ординаторская кардиохирургии. Выделяет. Удаляет.

Потом сидит ещё минуту. Смотрит в пустой экран. Достаёт телефон. Фотографирует экран. Для отчёта. Кому?

02:58. Уходит.

Я сижу на холодном полу у стойки. Ноутбук на коленях.

Лицо. Целиком. Камера в упор, хорошая, Витя не пожалел денег. Она удаляет запись, на чьё существование ей указал я сам. В коридоре. В девять двадцать.

Я копирую файл. Три раза.

* * *

Пять утра. Кабинет. Инна спит на моей кушетке, обойдя пружину слева. Свернулась. Белый халат сорок шестого размера накинут сверху вместо пледа.

Я сажусь в кресло. Не бужу. Смотрю.

Двенадцать лет я видел её в маске. Шапочка, очки, глаза. Глаза и руки. Я знал её руки наизусть. Я не знал, что у неё на скуле родинка. Маленькая, у самого уха. Я двенадцать лет смотрел мимо.

Она открывает глаза.

— Сколько времени?

— Пять.

— Утра?

— Утра. Ты проспала шесть часов. Гусев заходил дважды. Сказал: у Соболева дренаж восемьдесят, давление держит. Ковалёв просил передать тебе мандарин.

— Мандарин?

— На столе.

Она смотрит на мандарин. Берёт в ладонь. Нюхает кожуру.

— Он знает? Что я отстранена?

— Вся реанимация знает. Ковалёв сказал: «Передайте тёте, Варя велела».

— Ты не спал.

— Посмотри.

Я отдаю ей ноутбук. Она садится. Смотрит. Перематывает. Смотрит снова.

— Лицо, — говорит она.

— Лицо.

— Ключи Максима.

— Его связка. Из его стола. Она вчера вечером чистила кабинет.

Инна закрывает ноутбук.

— Рома, — говорит она. — Сейчас Гусев сдаёт смену. Пойдём посмотрим на Максима. Мне надо дренаж.

— В пять утра?

— В пять утра она спит. Это моё время.

* * *

Реанимация. Коридор пустой. Свет приглушён. За стеклом ординаторской реанимации — компьютер. Светится монитор.

Перед монитором Милана.

Она не спит.

Мы останавливаемся. Инна кладёт руку мне на локоть. Пальцы холодные.

Милана печатает. Быстро, одной левой. Открыта карта. Я вижу через стекло шапку: «Соболев М.А.». Вкладка «Анамнез». Она стирает строку. Пишет новую. Смотрит. Стирает. Пишет.

Я читаю по экрану. Буквы крупные, шрифт системы.

«Со слов пациента: с 15.09 принимает L-тироксин по рекомендации супруги, Соболевой И.В., с целью снижения веса».

Она нажимает «Сохранить».

Под строкой — электронная подпись. Чья, отсюда не видно.

Инна стоит рядом со мной. Совсем рядом. Плечо к плечу. Дышит ровно. Я чувствую, как у неё под ладонью, на моём локте, мелко дёргаются пальцы.

— Пусть, — шепчет Инна. — Пусть пишет.

— Инна. Это уже не подлог. Это отравление. На тебя.

— Я знаю. — Она не отводит взгляд от стекла. — Ты снимаешь?

Я поднимаю телефон. Запись идёт. Красная точка.

Милана поворачивает голову к стеклу.

Мы стоим в тёмном коридоре. Нас не видно. Наверно.

Она смотрит прямо на нас. Долго. Три секунды.

Потом улыбается. И гасит монитор.

Глава 13. Перемирие

— Рано вы, Инна Валерьевна.

Милана выходит из ординаторской реанимации. Закрывает дверь. Халат поверх платья, волосы распущены, на щеке след от подушки. Она проходит мимо нас к автомату с водой. Нажимает кнопку. Стаканчик наполняется.

— Не спится? — спрашивает она.

— Не спится.

— Мне тоже. — Она пьёт. Мелкими глотками. — Я дописывала Максиму анамнез. Гусев просил. Со слов. Вы же знаете, у Максима память после наркоза. Всё перепутает.

— Знаю.

— А вы, Роман Сергеевич? Тоже не спите?

— Я никогда не сплю, — говорит Роман.

Она улыбается. Сминает стаканчик. Бросает в корзину. Попадает.

— Тогда спокойной ночи. Обоим.

Каблуки сабо. Лифт. Двери.

Роман смотрит на экран своего телефона. Красная точка ещё горит. Он её гасит.

— Она нас видела, — говорю я.

— Видела.

— Зачем тогда улыбалась?

— Потому что думает, у неё на руках карта посильнее. — Он прячет телефон. — Пошли, Инна. Тебе дренаж.

* * *

На пятые сутки Максима переводят в палату. Третий этаж, вип, окно на парк. Ковалёва выписали в четверг. Варя нарисовала мне открытку: тётя в маске, в руке нож, из-под ножа сердечко. Подпись: «Спасибо тёте». Открытка стоит у меня на столе, прислонённая к фикусу.

Максим лежит на кровати лицом к стене.

— Доброе утро.

Молчит.

— Максим Андреевич, обход.

— Пусть Ларин.

— Ларин на операции. Вы мой пациент до выписки. Повернитесь.

Он не поворачивается. Плечо под больничной рубашкой острое. За пять дней он потерял четыре килограмма. Я вижу по ключицам.

— Ты ел?

— Не хочу.

— Вставал?

— Не хочу.

— Дышал на тренажёре?

— Инна. — Голос глухой, в подушку. — Уйди.

Я ставлю карту на тумбочку. Сажусь на стул у кровати.

— Сестра говорит, вчера ты лежал так весь день. Ночью не спал. Утром отказался от завтрака. Таблетки выплюнул в стакан. Тренажёр под кроватью. Мила приходила?

Плечо вздрагивает.

— Приходила, — говорит он. — На десять минут. Ей плохо. Токсикоз.

— Токсикоз.

— Ей нельзя тут. Запахи. Её тошнит от хлорки.

— От хлорки, — повторяю я. — Анестезиолога тошнит от хлорки.

— Не начинай, Ин.

— Я ничего не начинаю. Я констатирую.

Я смотрю на его затылок. Седых волос стало больше. Или я раньше не видела. Я давно не смотрела на его затылок.

— Макс. Повернись. Пожалуйста.

Он поворачивается. Медленно, с гримасой, рукой прижимает грудину. Лицо серое, щетина неделю. Глаза красные.

— Что? — говорит он. — Пришла посмотреть? Смотри. Вот. Главный врач. Сорок четыре года. Не может дойти до туалета. Писает в утку. Мила ему йогурт с ложки. Жена ему грудину пилила. Красиво?

— Красиво, — говорю я. — Шов ровный.

Он смеётся. Хрипло. Кашляет. Хватается за грудь.

— Подушку к груди. Прижми. Кашляй в подушку.

Он прижимает. Кашляет. Отдышивается.

— Ты всегда знаешь, что делать, — говорит он. — Всегда. Это ужасно, Ин. Ты не представляешь, как это ужасно.

— Представляю. Вставай.

— Нет.

— Макс. Если ты сегодня не встанешь, у тебя будет пневмония. Потом тромб. Потом ты останешься инвалидом. Трость, коляска, пенсия по группе. Ты этого хочешь?

— Может, хочу.

— Не хочешь. Ты хочешь сына. — Я встаю. — Андрей Максимович будет толкать твою коляску? Вставай.

Он смотрит на меня. Долго. Потом опускает ноги с кровати.

* * *

Коридор. Двадцать метров до окна. Он держится одной рукой за меня, другой за поручень. Шаг. Пауза. Шаг.

— Дыши.

— Я дышу.

— Ты держишь воздух. Выдыхай на шаг.

— Ин, я врач.

— Ты сейчас пациент. Выдыхай.

Он выдыхает. Шаг.

На середине коридора он останавливается. Пот на лбу. Он смотрит в окно. Там парк, мокрые клёны, ворона на скамейке.

— Я запутался, — говорит он.

Я молчу.

— Я правда запутался, Ин. Я не знаю, как это вышло. Сначала было… приятно. Она смотрела на меня, как на… Ты понимаешь. Как на главного. Мне сорок четыре, у меня колено, у меня давление, а она смотрит, как на Бога. Мне это было нужно. А потом я уже не мог остановиться. Каждый шаг тянул следующий. Пароль. Питер. Письма эти. Я каждый раз думал: ну вот, последнее. И потом ещё одно.

— Ты не извиняешься.

— Я… — Он смотрит на ворону. — Я не знаю, за что сначала.

— За «пустую».

Он закрывает глаза.

— За это нельзя извиниться, — говорит он тихо. — Слов таких нет. Если я скажу «прости», это будет слишком маленькое слово.

— Тогда не говори.

— Не говорю.

Мы стоим у окна. Ворона улетает. Его рука на моём локте тёплая, влажная. Пятнадцать лет эта рука. Я знаю каждую косточку на ней.

— Ты меня спасла, — говорит он. — Зачем?

— У тебя был ствол.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, Макс. Ты пациент. Ствол — это смерть через десять минут. Я хирург. Всё.

— Всё, — повторяет он. — А если бы на столе был… ну… посторонний. Ты бы так же?

— Так же.

— Я знаю. — Он кривит губы. — Это и есть самое обидное. Я для тебя посторонний с марта.

Он разворачивается обратно к палате. Шаг. Выдох.

— Галина Фёдоровна как? — спрашивает он у двери.

— Пьёт чай в три ночи.

— Она меня ненавидит.

— Она тебе сырники передала. В холодильнике на посту. С изюмом.

Он останавливается.

— С изюмом. — Пауза. — Она всегда клала мне с изюмом. Тебе простые, мне с изюмом.

— Она помнит.

— А ты?

— Я помню, Макс. Я всё помню. Это и есть проблема.

Он кивает. Заходит в палату. Садится на кровать. Сам.

В конце коридора, у поста, стоит Роман. Карта в руках. Он смотрит на нас. На руку Максима на моём локте.

Потом разворачивается и уходит.

* * *

Он не носит мне кофе три дня.

На четвёртый я ловлю его у ангиографа. Он сидит за пультом один, на экране чьи-то коронары, серое дерево.

— Рома.

— Занят.

— Ты занят три дня.

— Значит, у меня много работы.

— Ты обиделся.

— Я не обижаюсь. — Он не поворачивается. — Я диагност. Я констатирую.

— Что ты констатируешь?

— Что ты три дня водишь бывшего мужа под руку по коридору. Утром и вечером. По двадцать минут. Сестры шепчутся, ординаторы ставки делают.

— Ставки на что?

— На то, когда ты к нему вернёшься.

Я сажусь на край стола. Рядом с его рукой. Он убирает руку на колено.

— Рома. Это реабилитация. Он мой пациент.

— У него есть Ларин. У него есть реабилитолог Кузина. У него есть Милана Игоревна с йогуртом. — Он щёлкает мышью, кадр сменяется. — А ты ходишь сама. Утром и вечером.

— Потому что она не ходит. Она приходит на десять минут. Он лежит лицом к стене. Если я не подниму его — никто не поднимет.

— Вот, — говорит Роман. — Это и есть диагноз.

— Какой?

— Ты не умеешь бросать людей на столе. Даже тех, кто тебя туда положил.

Он наконец поворачивается. Глаза тяжёлые, усталые, с прожилками.

— Я понимаю, — говорит он. — Честно. Я просто… Я сорок семь лет никого не ревновал. Мне это не идёт. Я в этом выгляжу глупо.

— Ты выглядишь хорошо.

— Инна.

— Ты выглядишь хорошо, Рома. Когда злишься. У тебя борода топорщится.

Он смотрит на меня. Потом отворачивается к экрану. Уголок губ под бородой дёргается вверх.

— Завтра принесу кофе, — говорит он экрану.

— Принеси два.

— Зачем два?

— Один — тебе. Будешь пить рядом.

— Рядом — это где?

— Рядом — это рядом. На подоконнике у меня в кабинете. Фикус подвинем.

— Фикус обидится.

— Фикус переживёт. Он уже пережил моё отстранение.

— Его я поливал.

— Знаю, — говорю я. — Земля была мокрая. Я думала, это Зоя.

— Зоя поливает кактусы. У Зои принцип: растение должно страдать.

* * *

Вечер девятнадцатого дня. Я дописываю выписки в кабинете. За окном темно, мокрый асфальт блестит под фонарями. На столе остывший кофе из автомата. Два стаканчика. Второй Роман допил час назад и ушёл на дежурство.

В дверь стучат.

— Да.

Таня Белова. Медсестра реанимации, теперь на третьем этаже. Молодая, веснушки, косичка под шапочкой. Мнёт в руках край халата.

— Инна Валерьевна. Можно?

— Заходи.

Она закрывает дверь. Стоит у порога.

— Я не знаю, к кому идти. — Голос дрожит. — Я в прошлый раз… с нитропруссидом… я тогда ввела. По вашей подписи. А это не ваша была. Я потом узнала. Я две недели не сплю.

— Таня, ты не виновата.

— Виновата. Я должна была переспросить. Позвонить дежурному. Я вам звонила, вы сбросили, я и подумала: заведующая знает, что делает. — Она шмыгает носом. — Мама говорит, я дура доверчивая.

— Мама не права. Ты сделала по протоколу. Протокол виноват.

— Правда?

— Правда. Что случилось, Таня? Ты же не за этим пришла.

— Я не про это. — Она глотает. — Час назад. Палата Максима Андреевича. Милана Игоревна пришла. Сказала: «Танюша, иди попей чаю, я посижу». Я вышла. А потом вспомнила, что журнал оставила. Вернулась.

— И?

— Она в капельницу ему что-то добавляла. Шприцем. Из ампулы. Я спросила: что это? Она сказала: витамины, чтобы быстрее встал. Чтобы к выписке. — Таня смотрит в пол. — Она сказала, у них свадьба через месяц, и ему надо быть на ногах. И чтобы я никому.

— Ты уверена, Таня?

— Я её голос слышала. И видела руки. Кольца. Два.

— Ампула где?

— Она забрала. Положила в карман. Но я видела флакон. Стеклянный, колпачок жёлтый. И полоса на коробке синяя.

Я медленно кладу ручку на стол.

Жёлтый колпачок. Синяя полоса.

Двадцать четыре флакона из моего сейфа.

— Сколько капает?

— Медленно. Она сама скорость выставила. — Таня наконец поднимает на меня глаза. — Инна Валерьевна. У него на мониторе сейчас сто двадцать. И экстрасистолы. Я пошла к вам.

Глава 14. Разоблачение

— Стоп капельница.

Я перекрываю роликовый зажим. Трубка пережата. Капли в камере замирают.

Монитор: сто двадцать шесть. Синусовая тахикардия, на каждом пятом комплексе — уродливый широкий зубец. Экстрасистола. Ещё одна.

Милана сидит у кровати в кресле. Нога на ногу. Телефон в руке. Поднимает голову медленно.

— Инна Валерьевна. Вы что делаете?

— Прекращаю инфузию.

— Это назначение Ларина. Физраствор с калием.

— Физраствор с калием не даёт сто двадцать шесть.

Максим полусидит на подушках. Лицо красное, лоб мокрый. Пальцы мнут край одеяла.

— Ин. Что происходит? Мне жарко.

— Знаю. Дыши медленно. Таня, Карпова сюда. И электролиты срочно. Калий, магний.

Таня вылетает в коридор.

Милана встаёт из кресла.

— Вы отстранены от этого пациента.

— Я его оперирующий хирург.

— Он отказался от вашего наблюдения. При свидетелях. Утром. — Она поворачивается к Максиму. — Макс. Скажи ей.

Максим смотрит то на меня, то на неё.

— Мила, — говорит он хрипло. — Что в капельнице?

— Котик, калий. Витамины. Ты сам просил скорее встать.

— Покажите ампулу, — говорю я.

— Какую ампулу?

— Из кармана. Правого. Жёлтый колпачок.

Милана смеётся.

— Инна Валерьевна, вы себя слышите? Вы врываетесь ночью к пациенту, перекрываете ему капельницу и требуете у меня карманы? Может, вам ещё раздеться?

— Если понадобится — разденетесь.

Дверь палаты открывается. Роман. Дежурная куртка поверх костюма, на шее стетоскоп. Он смотрит на монитор. На капельницу. На Милану. Ничего не говорит. Закрывает дверь спиной и встаёт у неё.

— Роман Сергеевич, — говорит Милана, — объясните вашей… коллеге.

— Объясню, — кивает Роман. — Позже.

Карпов входит следом, лысый, сонный. Смотрит монитор.

— Сто двадцать. Экстрасистолия. Что льёте?

— Уже ничего, — говорю я. — Сергей Ильич, смените систему. Новую. Старую не выбрасывайте. Пакет, систему, остаток — в холодильник, в лабораторию, под вашу подпись. Нелли знает.

Карпов смотрит на меня. Потом на Милану.

— Сделаю.

Он отс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.